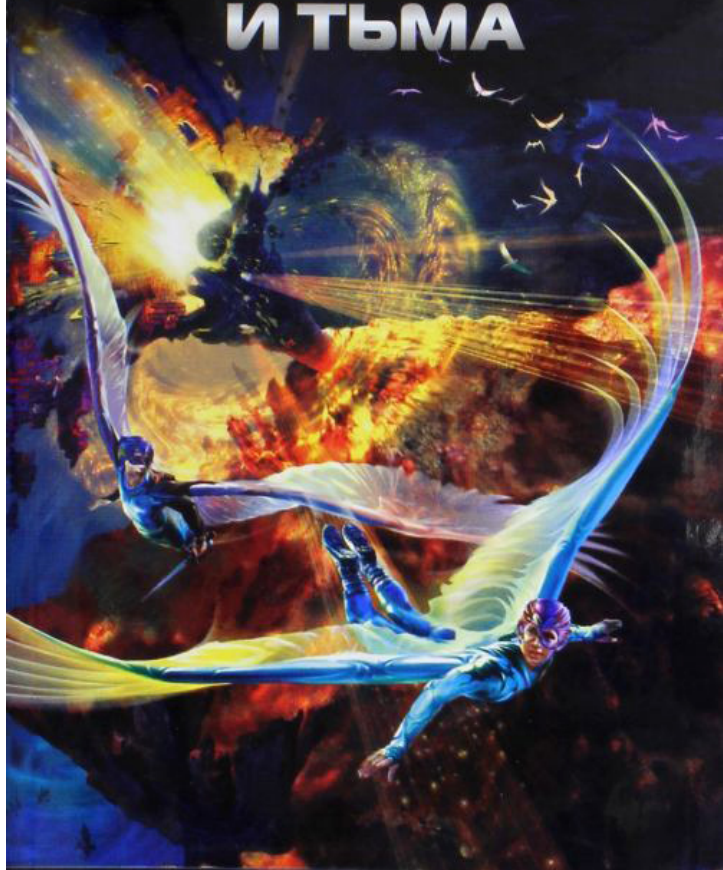

Сергей Лукьяненко

МАЛЬЧИК И ТЬМА

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Мальчик и Тьма

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129327
Мальчик и Тьма: АСТ; Москва; 2006
ISBN 5-17-016310-X*

Аннотация

«Мальчик и Тьма» – это страшные приключения в странных мирах.

Это история о том, что истинного врага найти порою не легче, чем истинного друга. Особенно если за дело берутся Сумрак, Свет и Тьма.

Содержание

Часть первая	4
1. Солнечный котенок	4
2. Мы ждем рассвета	19
3. Клуб Старших	39
4. Возвращение Котенка	57
5. Трус	72
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Лукьяненко

Мальчик и Тьма

Моей жене Соне.

И сказал Бог: да будет Свет.

И стал Свет.

И увидел Бог свет, что он хорош;

и отделил Бог свет от тьмы.

Книга Бытия

Часть первая

Крылатые

1. Солнечный котенок

Все случилось из-за того, что я заболел.

Было уже два часа дня, а я лежал в постели и листал сто раз перечитанного «Питера Пэна». Компресс, который мама утром повязала мне на шею, я давно снял и забросил в угол. Абсолютно не понимаю – чем может помочь от кашля смоченная водкой вата? С мамой я, конечно, не спорю, но после ее ухода начинаю лечиться по-своему, то есть лежать

с книжкой и ждать, когда болезням надоест такое скучное времяпровождение. Обычно помогает – хоть и не сразу, а дня через два-три. Хорошо еще, что на улице очень неуютно – то на минуту выглянет солнце, то зарядит мелкий противный дождик. Правда, в комнату солнце не заглядывало – так уж неудачно стоит наш дом, что новенькие девятиэтажки закрывают его со всех сторон. «В такой квартире только грибы выращивать», – говорил папа, когда он еще жил с нами.

Я опустил книжку на пол рядом с кроватью и лег на спину. Наверное, закрой я сейчас глаза, ничего бы так и не случилось. Но я лежал, глядя в потолок и слушая тиканье часов в прихожей.

А через стекло прыгнул в комнату солнечный зайчик. Маленький, с ладошку размером, но удивительно яркий. Словно окно было открыто, а на улице светило жаркое летнее солнце. Наверное, кто-то забавлялся с зеркалом на балконе дома напротив.

Зайчик проплыл по потолку, сполз на стену, заставил блеснуть вазу на комодe и остановился, чуть подрагивая, на спинке кровати.

– Не уходи, – зачем-то сказал я, понимая, что сейчас зеркало дрогнет и солнечный зайчик навсегда выскочит из моей комнаты. – Останься...

Вот тогда все и началось.

Солнечный зайчик оторвался от кровати и поплыл по воздуху. Вначале я даже не понял, что такого не бывает. И лишь

когда висящее в воздухе плоское пятнышко света стало раздуваться, превращаясь в пушистый оранжевый шарик, я понял – случилось чудо.

Из оранжевого светящегося меха вытянулись четыре лапки, потом хвост и голова. Моргнули и уставились на меня зеленые кошачьи глаза. Да и вообще зайчик этот больше всего походил на котенка. Вот только он висел в воздухе, светился и казался невесомым, как пух, – дунешь и улетит.

– Привет, – мурлыкнул Котенок. – Спасибо за приглашение.

На секунду я закрыл глаза, но когда вновь посмотрел на Котенка, тот никуда не исчез. Даже подлетел поближе.

– Я в сказки не верю, – самому себе сказал я. – Я уже большой.

– Ну, по сравнению с девочкой, которая держала Настоящее зеркало, ты довольно большой, – невозмутимо заявил Котенок и опустился на одеяло. Я скосил глаза – не повалит ли дым, но все было в порядке. Животом я чувствовал тепло, но не сильное. А Котенок склонил голову и добавил: – Но совсем взрослым тебя тоже не назовешь. Тебе сколько? Десять лет есть?

– Четырнадцать будет, – как-то неожиданно успокоенный деловым вопросом, ответил я. – Ты кто?

– Солнечный зайчик, – с любопытством осматривая себя, ответил Котенок. – Да, ну и внешность... Похож?

– На кого?

– На зайчика.

– Скорее на котенка.

– Немногим лучше, – грустно заявил Котенок и потянулся. А я ничего лучшего не нашел, чем повторить:

– Ты кто?

– Но мы уже пришли к единому мнению! – с неожиданной обидой заявил Котенок. – Солнечный зайчик, точнее – котенок, потому что на него я похож куда больше! Что тут непонятного?

Я даже растерялся. Ну да, маленький зеленый зверек, который ест камни, это просто маленькая зеленая камнеежка. Знаем, слышали. А солнечный зайчик – это солнечный котенок, потому что на зайчика он никак не похож.

– Так что же, любой зайчик может ожить, если его позвать? – осторожно спросил я. Мне почему-то казалось, что Котенок на такой вопрос снова обидится. Но тот лишь гордо покачал головой:

– Вот еще! Любой! Только Настоящий свет, отраженный Настоящим зеркалом, может ожить.

– А что такое... – начал я. Но Котенок конца вопроса дожидаться не стал. Вскочив и прохаживаясь по одеялу, принялся объяснять:

– Настоящий свет – это солнечный свет. Но не всякий, а только тот, когда лишь один лучик из тысячи тысяч может пробиться к земле. Он бывает на рассвете или на закате... – Котенок посмотрел в окно и брезгливо поморщился. –

Ну или в такую погоду. А Настоящее зеркало – это... – Он замолчал. Снова открыл рот и виновато потер лапкой голову. – Не знаю. Мне ведь и пяти минут еще нет, а с зеркалом я познакомился очень ненадолго. Настоящее зеркало... ну, это зеркало, которое отражает суть вещей. Они очень редко встречаются. В Настоящем зеркале человек отражается таким, какой он на самом деле, а вещи – такими, какие они должны быть. Поэтому Настоящие зеркала часто разбивают, – неожиданно закончил Котенок. – Вот. Что знал, то рассказал.

Он легко спрыгнул с одеяла и спланировал на пол. Подбежал к окну, задрал мордочку и грустно произнес:

– Ну вот, солнышка уже нет. Так я и знал.

Оранжевая шерстка Котенка светилась мягким теплым огнем. Нельзя сказать, чтоб очень уж ослепительным, но почему-то в этом свете все было видно удивительно отчетливо. Под батареей я увидел закатившуюся туда невесть когда монетку, а на паласе ярко высветилось пятно от пролитого давным-давно чая. И в этот миг я наконец понял, что все происходит по-настоящему. Я лежу в постели и разговариваю с Солнечным котенком, появившимся из Настоящего света и Настоящего зеркала.

– Так ты волшебный? – тихо, словно стесняясь самого себя, спросил я. И Котенок эту интонацию почувствовал:

– «Я большой, в сказки не верю», – передразнил он. – Да! Волшебный. Если хочешь, я, конечно, наплету чего-нибудь

про фотоны и магнитные поля. Только учти – я в них не верю.

Меня его насмешка немного задела.

– А что ты умеешь? – спросил я. – Мяукать умеешь?

– Может, еще и мышей ловить? – Котенок аж подпрыгнул от возмущения и снова повис в воздухе. – Умею! Мяу! Похоже?

– Не очень, – признался я. – Но ты же волшебный, ты должен делать чудеса.

– Я сам по себе чудо. – Котенок демонстративно отвернулся.

Откинув одеяло, я опустил ноги на пол. Мне захотелось погладить Котенка, а может, даже извиниться перед ним, чтобы он не обиделся вконец и не убежал. Но тут я неожиданно закашлялся, и очень сильно.

– Болееешь? – не поворачиваясь, спросил Котенок.

– Угу.

– Ложись.

Котенок подлетел ко мне и вдруг оказался прямо у меня на шее, я даже испугался от неожиданности.

– Ложись, кому сказано, – строго повторил Котенок. – И не бойся, не укушу, простуженных мальчишек я не ем.

Каким образом он на мне держался, не знаю. Когти, если они у него были, Котенок не выпускал. Может, просто парил в воздухе прямо передо мной? Я послушно лег, и он сразу же устроился у меня на шее, положив голову мне на подбо-

родок.

– Это зачем? – тихонько, чтобы Котенок не свалился, спросил я.

– Лечить тебя буду. Тепло?

– Да.

– Тогда лежи смирно. Станет жарко – скажешь.

Но жарко мне не было, только тепло. Я так и сказал. А Котенок полежал минуту, потом спрыгнул на пол и заявил:

– Ну вот и все.

– Хочешь сказать, я поправился?

Он кивнул. Выглядел кивающий Котенок очень забавно, но светящаяся, как огонь, шерстка заставляла относиться к нему серьезно.

– Но я ничего не чувствую! Только горло не першит...

– А что ты должен чувствовать? – вдруг завелся Котенок.

– Ты же был только простужен! Здоровый парень, раскашлялся чуть-чуть – и сразу в постель!

Я хотел ответить, что в постель меня уложила мама, но передумал. В конце концов, мама давно ушла на работу... Интересно, а как она отнесется к говорящему и светящемуся котенку? Не испугается?

– А что ты еще умеешь? – спросил я.

– Не знаю, – признался он. – Я еще маленький.

– А потом вырастешь?

– Вряд ли, – сразу поскукнел Котенок. – Настоящий свет – штука редкая, а мне, чтобы вырасти, нужен именно он. О!

Знаешь, что я умею? Находить всякие потерянные вещи вроде пуговиц и монеток! Во мне же Настоящий свет, от него ничто не спрячется!

– Здорово, – не очень уверенно сказал я. И не удержался, протянул руку к Котенку и погладил. Он оказался не слишком горячим, чуть теплее самого обычного котенка. Когда-то у меня был кот, но потом мама заставила его отдать. У нее вдруг появилась аллергия на кошек.

Котенок сделал вид, что даже не заметил моего прикосновения. Но, кажется, это ему понравилось.

– Еще я умею... – начал Котенок, – умею... Умею находить двери.

Я засмеялся. Мне стало так весело – то ли от хвастливого, но самокритичного волшебного Котенка, то ли от того, что горло больше не болело.

– Дверь я и сам могу найти! А если бы у меня волосы светились, так и в темноте бы находил.

– Глупый, – снисходительно глянул Котенок. – Я вовсе не про обычные двери. Я умею находить Потаенные!

В тот миг я, конечно же, не понял, о каких дверях идет речь. Но почувствовал легкую дрожь, словно по комнате пробежала волна холодного воздуха.

– Что это – Потаенные двери? – почему-то шепотом спросил я. И Котенок, тоже очень тихо, ответил:

– Потаенные двери ведут из мира в мир. Обычно люди их не видят, хотя иногда сами же и строят.

Из мира в мир? Ничего себе...

– А где они? – еще тише спросил я.

– Да где угодно, – храбро заявил Котенок. – У тебя в комнате тоже наверняка есть. Сейчас поглядим.

И он решительно направился к стене.

Когда Котенок приблизился к ней, произошла удивительная вещь. Вначале я увидел три слоя обоев друг сквозь друга. И если второй слой я помнил – мы клеили эти обои, когда переехали из старой квартиры, то третий явно остался от прежних хозяев. Под ними еще были газеты, даже названий которых я не знал. Дальше – кирпич.

А Котенок бежал вдоль стены, и я увидел под кирпичами некрашеную деревянную дверь!

– Стой! – крикнул я, но Котенок не остановился. Лишь фыркнул и пробормотал:

– Вот еще, за такой дверью ничего веселого быть не может...

Следующую дверь Котенок нашел в углу. Она была металлическая, серая, с маленьким штурвальчиком вместо ручки, как на сейфах. Здесь Котенок на секунду замер, потом хмуро предположил:

– Там, наверное, всякие фотоны-протоны и магнитные поля... Поищем еще.

– Поищем, – согласился я. Мной овладел азарт. Я шел следом за Солнечным котенком, и ноги обдавало его теплом. Здорово! Особенно когда ты босиком и тебе совсем не хо-

чется, только поправившись, сразу же снова заболеть.

– Во! – радостно пискнул Котенок. – Шик, правда?

Дверь действительно была красивая. Из черного дерева, с резными узорами, огромной бронзовой ручкой, немного выпирающей из обоев. Удивительно, чего только не увидишь в Настоящем свете!

– Заглянем? – предложил Котенок.

Вот сейчас я удивился по-настоящему.

– А можно?

– Разумеется. То, что ты видишь в Настоящем свете, всегда открыто для тебя.

Я с сомнением пожал плечами. Посмотрел на себя – трусы, майка и больше ничего. Даже тапочки не надел. А если за дверью – какой-нибудь дворец, где начинается бал? Буду потом оправдываться: «Ну вы нашли место чаи распивать!»

– Знаешь, я оденусь, – нерешительно предложил я. И Котенок мою нерешительность заметил.

– Глупый! – закричал он. – Думаешь, легко высвечивать Потаенные двери? Я же маленький! У меня сил надолго не хватит!

И я не удержался. Да и кто на моем месте стал бы спорить?

– Как открыть?

– Посмотри на ручку, – прошептал Котенок. Похоже, ему и вправду было трудно. – Посмотри так, чтобы увидеть ее четко-четко. А потом берись и открывай.

Я всмотрелся в ручку. Вначале она была чуть туманной,

словно под матовым стеклом. А потом я увидел ее очень ясно. Бронза была шершавая, грубая, лишь по краям гладкая, будто отполированная множеством касаний. Неужели когда-то эту дверь часто открывали? Я протянул руку и почувствовал холод металла.

– Быстрее, – жалобно произнес Котенок. И я потянул дверь на себя.

Она была тяжелая, очень тяжелая. Словно петли закалились от времени или не хотели пробуждаться от долгого сна. Но я тянул, и дверь медленно пошла на меня. Сквозь кирпич, и старые газеты, и три слоя обоев. Но я уже ничему не удивлялся.

Нас обдало прохладным ветром. Тихо шумели деревья. И еще было темно. Хорошо хоть, что никакого дворца там не оказалось.

– Ночь, – разочарованно сказал Котенок. – Даже звезд не видно, а жаль. Звездный свет – всегда Настоящий.

Но через мгновение он воспрял духом:

– Ничего. Ночью мой Настоящий свет всегда может пригодиться.

И он храбро перепрыгнул через мою ногу – за дверь.

– Осторожно! – крикнул я.

Светящееся пятнышко мелькало уже метрах в десяти.

– Ерунда! Что может случиться с Солнечным котенком? Даже ночью? Пойдем, здесь трава!

Я переступил порог. И почувствовал под ногами теплую

траву. Здесь-то точно не осень. Лето или весна...

– Котенок! – позвал я и пошел в темноту. Не грохнуться бы... – Котенок!

Светящееся пятнышко метнулось ко мне:

– Дверь! Глупый мальчишка!

Я обернулся и увидел, как медленно закрывается в темноте светлый проем. Бросился назад, но руки уткнулись в камень. Я едва не рассадил лоб о скалу.

Сразу стало страшно.

– Самый глупый в мире мальчишка, – прыгал под ногами Котенок, – что ты наделал?! Дверь закрылась!

– Вижу, что закрылась! – заорал я. – Так высвети ее! Откроем!

Котенок ответил не сразу:

– Я попробую...

Он подошел к камню вплотную, и я увидел, как сквозь серую тень проступают очертания двери из черного дерева. Еще я понял, что скала, в которой замурована дверь, огромна. Это даже не просто скала, а часть горы. Но вот дверь, как я на нее ни смотрел, не становилась четкой. И пальцы натыкались только на камень, а не на бронзовую ручку.

– Не получается, – виновато сказал я.

– Сам понял, – ответил Котенок. – Сквозь камень трудно видеть Потаенные двери. Это тебе не старые газеты. Разве что другую поискать... Три двери должны вести из мира в мир – это закон.

– Так ты не можешь? – с подступающим ужасом спросил я. Искать теперь повсюду другие двери на Землю было глупо. Котенок молчал.

– Говори! – завопил я. – Чего молчишь?

– Не могу, – прошептал Котенок едва слышно. – Я маленький, я же предупреждал. И сил очень много потратил, когда открывал дверь в первый раз.

– Эх ты, Солнечный, – едва сдерживая слезы, сказал я и сел на траву у самой скалы. В ногу больно впился острый камень, но я не обратил на это никакого внимания. Дверь в камне стала едва различима. – Может, камень обколоть?

– Не знаю, поможет ли это, – печально сказал Котенок и прижался к моей ноге. Вся злость сразу куда-то улетучилась. – Ты тоже виноват, глупый мальчишка. Надо было следить за дверью.

– Предупредил бы... И что ты меня все время зовешь глупым мальчишкой?

– Если ты настаиваешь, то буду звать умным, – продолжал задирачься Котенок.

– У меня имя есть!

– Ты же не представился.

Минуту мы молчали, потом Котенок тихо спросил:

– А как тебя зовут?

– Данька.

– Бывают имена и похуже, – философски заметил Котенок. – Ладно, не паникуй. Надо дожидаться утра.

Мне бы чуть-чуть Настоящего света – и я смогу высветить эту Потаенную дверь.

– Правда?

– Без всякого сомнения, – поклялся Котенок. – Ты небось тоже на голодный желудок марафон не осилишь?

– Да я и так не осилю, – признался я. – А откуда ты знаешь про марафон?

– Прежде чем Настоящий свет отразился от Настоящего зеркала, я много чего успел увидеть.

– А что это за зеркало? Откуда взялось?

– Да не знаю я. Оно очень старое, его взяла маленькая девочка и стала пускать зайчики... Фу, слово-то какое глупое! Зайчики!.. А девочка и не подозревает, какая удивительная вещь у них в доме хранится.

Я сидел рядом с Солнечным котенком и думал. О том, что во многих домах могут пылиться Настоящие зеркала, способные сотворить чудо. А мы проходим мимо, не догадываясь подставить их под утренний свет...

– Котенок, а как узнать, Настоящее зеркало или нет?

– Просто посмотреть в него. И захотеть увидеть себя таким, какой ты есть. Но люди боятся таких зеркал, предпочитают видеть свое отражение, а не суть. А некоторые уже и не умеют видеть, они способны только смотреть.

– И в чем тут разница – видеть или смотреть?

– Глупый, глупый Данька, – печально сказал Котенок. – Ты действительно еще маленький...

Я обиделся и не стал переспрашивать. А Котенок повозился у моих ног, потом виновато спросил:

– Не холодно?

– Нет.

– Ты не обижайся, если я буду обзывать. На самом-то деле во всем я виноват. Расхвастался...

– Да ладно. Дождемся рассвета и вернемся домой. Жаль только, ничего не увидели.

– А что тут видеть, – сонно отозвался Котенок. – Маленькая долина между скалами. Сто метров на двести, не больше... Ручеек, пара деревьев и несколько валунов.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу.

– Так ведь темно!

– Во мне Настоящий свет, – зевнув, напомнил Котенок. – Данька, давай спать...

– Я не хочу.

– Тогда помолчи, а я посплю...

Вам когда-нибудь доводилось сидеть в полной темноте, держа на коленях спящего котенка? Да, именно в темноте, потому что, когда Солнечный котенок уснул, шерстка его стала светиться не ярче неоновой лампочки в детском ночнике. Что бы вы в такой ситуации сделали?

Точно. Вот и я тоже уснул.

2. Мы ждем рассвета

Проснулся я от озноба. Котенок спал, и от него шло ровное тепло, но хватало его только на живот и немного на ноги. А по плечам разгуливал прохладный ветерок.

Я поежился, и Котенок сразу поднял мордочку, засветившись в полную силу:

– Замерз, да?

– Спрашиваешь. – У меня зуб на зуб не попадал, да и есть хотелось ужасно. – Вот простыну опять...

– Вылечу, – без особого энтузиазма пообещал Котенок. – Ладно, уже немного осталось. Это перед рассветом всегда становится темно и холодно.

– Значит, вот-вот рассветет.

Я осторожно опустил Котенка на землю и попрыгал, чтобы согреться. Помогло это плохо.

– Может, мы мало спали? – предположил я, снова усаживаясь на траву.

– Семь с половиной часов, куда уж больше, – фыркнул Котенок. – Знаешь, какое чувство времени у Солнечных котят?!

У меня вдруг возникло жуткое подозрение. Но я не спешил его высказать, а вместо этого спросил:

– Ты до рассвета точно дверь не откроешь?

– Никак.

– А если... ну, в общем... вдруг здесь очень большая ночь?

– Какая?

– Несколько месяцев, как на полюсе!

Котенок помолчал, потом прошелся по траве взад-вперед и грустно сказал:

– Я надеялся, что ты об этом не подумаешь.

Обхватив руками плечи, я смотрел на сконфуженного Котенка. Потом спросил:

– Так что же, мы среди этих гор и останемся? Здесь же и есть-то нечего!

– Мне тоже, – огрызнулся Котенок. – Зато вода есть, можешь попить.

– Меня дома уже ищут, – вдруг сообразил я. – Не знают, что и подумать – исчез из постели, даже тапочки не надел!

– Давай немного подождем, – предложил Котенок. И мы ждали – молча, потому что говорить нам не хотелось, лишь Котенок со своим чувством времени объявлял каждые прошедшие пятнадцать минут. Когда он со вздохом сказал «час», я взорвался:

– И где же рассвет?

– Нет пока, – признался Котенок. – И я его не чувствую. Солнышко еще где-то далеко. Подождем немно...

– Хватит, – оборвал я. – Надо что-то делать.

– Есть один вариант, – со вздохом произнес незадачливый волшебник. – Я же умею летать. Сейчас взлечу и буду лететь,

пока не наткнусь на рассвет или закат.

Прозвучало это так, словно рассвет и закат были толстыми каменными стенами. Я невольно улыбнулся.

– А дальше?

– Когда подкреплюсь, вернусь к тебе. У Солнечных котят отличное чувство направления, я тебя обязательно найду. Откроем дверь – и готово.

– Так что же ты раньше этого не предложил? – возмутился я.

– Понимаешь, я ведь уже не солнечный лучик, – признался Котенок. – Я буду лететь очень быстро, но может понадобиться несколько дней.

Вот тут мне стало страшно по-настоящему.

– Ты представляешь, что говоришь? – прошептал я. – Что со мной потом дома сделают?

– Другого выхода нет. Ждать – или лететь.

Я отвел взгляд от Котенка. И вдруг понял, почему возмутился этим предложением. Мне страшно.

Я, наверное, стал бояться темноты. А без Солнечного котенка темнота станет полной. И... что, если он не прилетит?

– Давай, – выдавил я. – Лети. Только быстро, а то передумаю.

Он понял.

– Данька, не вешай нос. Я буду лететь очень быстро. Если захочешь пить – ручеек прямо перед тобой, метрах в тридцати. Жди.

И прежде чем я успел сказать, что передумал, что не смогу ждать его в одиночестве и мраке, Солнечный котенок подпрыгнул и взвился в воздух. Оранжевый комочек света стремительно поднялся, превращаясь в крошечную точку на черном небе. И полетел прочь. Действительно очень быстро: я потерял его из виду за несколько секунд. Только хватит ли ему сил все время мчаться с такой скоростью?

Минут десять я ревел, уткнувшись в густую мягкую траву. Как ни странно, это меня капельку согрело. Поднявшись, я пошел на поиски ручейка, о котором говорил Котенок.

Странное это дело – бродить во тьме. Теряется и расстояние, и время. Лишь камни, изредка попадавшиеся под ноги, доказывали, что я не топчусь на месте.

Руки я держал перед собой, боясь, что в любой момент оступлюсь, но вскоре услышал журчание воды, а еще через мгновение трава под ногами сменилась влажным песком.

Нагнувшись, я жадно пил холодную чистую воду. Потом, отойдя на несколько шагов – так, чтобы слышать ручеек, – лег навзничь в траву, высокую, сомкнувшуюся надо мной.

Делать было совершенно нечего. Раньше я и не подозревал, как выматывает полное безделье. Я лежал, слушая плеск воды и гул ветра где-то далеко-далеко вверху. Лежал, наверное, очень долго. А потом снова заснул.

Разбудили меня шаги. Я открыл было рот, чтобы окликнуть вернувшегося Котенка, но вовремя сообразил, что эти шаги другие: тяжелые, человеческие.

Сразу вернулся страх.

Шаги приближались сразу с двух сторон. В нескольких метрах от меня идущие встретились. И я услышал тягучий голос:

– Там нет никого.

– Там нет никого тоже.

Я понимал говорящих, хотя мне почему-то казалось, что они говорят на чужом языке. И от этих медленных, тяжелых голосов меня пробила дрожь. Я замер, боясь шевельнуться.

– Здесь никого. Но дозорный видел свет.

– Дозорный видел Настоящий свет.

– Это невозможно.

– Но дозорный видел.

– Здесь нет света. Здесь нет никого.

– Тот, кто светил, улетел.

– Или ушел по скалам. Здесь низкие скалы.

– Нас обвинят в медлительности.

– Это плохо. Надо сказать, что здесь был Крылатый, убежавший вчера.

– Нас спросят, где его сердце.

– Мы скажем, что он защищался. Мы скажем, что залили долину Черным огнем.

– Это расточительно. Это плохо.

– Но это лучше медлительности.

– Да. У тебя есть Черный огонь?

– В башне.

– У меня нет Черного огня. Мы полетим в твою башню, возьмем огонь и сожжем долину.

– Так хорошо. Летим.

И я увидел, как во мраке разворачивается тьма. Черные полотнища тьмы, чернее темноты, непрогляднее мрака. Две пары огромных крыльев. В лицо ударил ветер, наполненный едким нечеловеческим запахом, и тьма взвилась в небо.

Несколько минут я лежал, убеждая себя, что мне приснился кошмар. Но едкий запах еще держался в воздухе, а в том месте, где стояли говорившие, я нащупал выдранную траву.

Ждать возвращения тех, кто при ходьбе вырывал с корнем траву, мне совершенно не хотелось. Еще больше не хотелось дожидаться Черного огня, чем бы он ни был.

Я встал, чувствуя, как мир сжимается вокруг, превращаясь в клетку из темноты и страха. Ах, Котенок, Котенок, неужели ты не догадывался, куда могут привести Потаенные двери?

– Я не боюсь, – громко сказал я. Темнота не ответила. – Я уже большой. Я уйду по скалам, здесь низкие скалы.

Темнота молчала.

Вытянув руки, я побрел вдоль ручья, и тьма шла вместе со мной. Уткнувшись в скалу, я понял, что вода стекает по ней. Почти бесшумно – значит скала не была отвесной. Это хорошо. Шестое чувство подсказывало мне, что нужно подниматься вдоль воды, чтобы ее тихий шелест заглушал движения.

Пошарив по камню, я нашел жалкий уступ, встал на него. Потом на следующий. Зацепился за какой-то кустарник, хорошо еще, что не колючий, и продвинулся на следующий метр. Не так уж и трудно, тем более что высота не чувствовалась.

– Я не сорвусь, – прошептал я неизвестно кому. – Слышите? Не сорвусь. Так не бывает – попасть в волшебный мир и сорваться со скалы...

Камень под моей ногой дрогнул. Я затаил дыхание, и дальше пришлось подниматься молча. Минут через десять, коснувшись ладонью губ, я почувствовал вкус крови. Пальцы стерлись о камень. Наверняка то же случилось и с ногами, но проверять не хотелось. Висеть на скале, как таракан на стенке, было невозможно, и я полез дальше.

Минут через пять я понял, что устал до предела и вот-вот сорвусь – и тут выбрался на небольшой уступ. Тесно прижался к скале, сел, свесив ноги во тьму. Интересно, высоко ли? Метров пять, десять? Явно мало для того, чтобы спрятаться от непонятного оружия летающих тварей.

Сняв бесполезную майку, я по очереди обматывал руки и ноги, выжидая несколько минут, чтобы остановить кровь. Подъем разгорячил меня, холод больше не чувствовался. Оставив рваную и перепачканную майку на уступе, я продолжил первое в своей жизни восхождение. Журчание воды по левую руку было моим проводником. Один раз я даже попал на мокрый участок скалы, где брызги падали мне на

голову. Пришлось медленно и осторожно сдвигаться вправо, чувствуя, как предательски скользок стал камень. Иногда я отдыхал, если встречались надежные площадки, затем вновь начинал подниматься. И тьма ползла за мной, скрывая высоту и растворяя в себе время. Быть может, я карабкался полчаса, может, несколько часов, не знаю. Единственное, что я знал точно, – никогда еще я так не уставал.

А потом над головой захлопали крылья, и, посмотрев вверх, я увидел несущуюся сквозь мрак тьму. Две тени парили почти что на одном уровне со мной, и, вжимаясь в скалу, я услышал свистящий шепот:

– Лей...

Я ничего не увидел, лишь снизу послышался треск, словно по всей долине захрустели неведь откуда взявшиеся сухие сучья. Потом зашипела вода в ручье. И ударила волна горячего, раскаленного воздуха.

Прижавшись к мгновенно нагревшемуся камню, я задышался от удушливого жара. Дующий снизу ветер трепал мне волосы, и я вдруг почувствовал, как на расцарапанных ногах запекается кровь.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Летающие тени исчезли, зной отступил. Я висел на скале, и кожа запоздало покрывалась пóтом.

Черный огонь угас. Но за те мгновения, пока подо мной сторала долина, я успел понять, что взобрался уже очень высоко. Метров пятьдесят, не меньше. И спуститься теперь не

смогу. Значит – вверх.

– Я не боюсь, – как заклинание повторил я.

Темнота и тишина ползли по скале вместе со мной. Становилось все холоднее, пальцы на руках онемели, ног я почти не чувствовал. Выбравшись на очередной уступ, я долго лежал, собирая остатки сил, потом пошарил перед собой рукой, нащупывая скалу. Но пальцы коснулись лишь мягкой, живой травы.

Я смог. Я поднялся, выбрался из каменной западни и оказался, кажется, на каком-то плато, где дул ровный холодный ветер, а трава была влажной от росы. Быть может, дальше тоже вздымались горы, но я ощущал вокруг себя огромное свободное пространство. Здесь можно было бы дожидаться Солнечного котенка... будь у меня хоть какая-то одежда и пища.

Наверное, еще час-другой назад я бы опять разревелся. От холода и одиночества, от полной безнадежности. Но бегство от существ из мрака и подъем по скале что-то изменили во мне. Это дома, подравшись на улице или получив от мамы очередной нагоняй, я мог плакать. Здесь было слишком страшно для слез.

А для того чтобы лежать на траве и тихо замерзать, ожидая моего незадачливого волшебника, я был слишком горд.

Поднявшись с земли, я прижал ко рту ладони и закричал:

– Э-э-й!

Наверное, я просто хотел услышать эхо. Убедиться, что в

темноте есть еще какие-то звуки, кроме биения моего сердца.

Но еще прежде чем далекое эхо вернуло мой слабый крик обратно, в нескольких шагах от меня зашуршала трава. И кто-то невидимый во тьме сказал:

– Если ты шевельнешься, я убью тебя.

Не испугался я лишь потому, что этот голос вовсе не был похож на свистящее шипение крылатых существ. Просто человеческий голос.

– Я не шевелюсь, – тихо ответил я.

– Что ты здесь делаешь? – донеслось до меня. Кажется, чуть ближе, чем в первый раз. Невидимый собеседник подкрадывался ко мне.

Что я делаю? Ну и вопросик. Жду Солнечного котенка, медленно замерзаю, ору из последних сил...

– Я жду рассвета, – по-прежнему не шевелясь, ответил я.

Кто-то схватил мою руку, и я вздрогнул.

– Рассвет придет, – прошептали мне в самое ухо. Я ощутил чье-то дыхание и едва удержался от крика.

– Рассвет придет. Ты рисковал, я мог тебя убить.

– Да? – невольно спросил я. И услышал тихое звяканье металла.

– Ты видел Летящих?

– Они залили долину внизу Черным огнем, – надеясь, что отвечаю правильно, сказал я.

– Я слышал. Они охотились за мной.

– И чуть не убили меня.

Похоже, эти слова решили дело. Голос незнакомца стал смущенным.

– Никогда не думал, что в этих местах кто-то есть. Извини. Хорошо, что ты цел... Пойдем.

Меня мягко потащили в сторону. Я вытянул вперед свободную руку и сразу же услышал вопрос:

– А где твои очки?

– У меня их никогда не было.

– Ого... Да ты осторожнее, здесь деревья.

Я ойкнул, налетев на упругую колючую ветку, но обижаться на запоздалое предупреждение не решился.

– Мы уже рядом. Нагнись.

Я послушно нагнулся и почувствовал, как по лицу скользнула плотная ткань. Вслед за незнакомцем я протиснулся сквозь узкий разрез и ощутил, как тепло внутри. Это было что-то вроде маленькой палатки.

– Закрой вход... а, ты же не видишь. Садись.

За моей спиной прошелестела ткань. Потом раздался щелчок – и в глаза, сразу со всех сторон, ударил свет!

Зажмурившись, я выждал несколько минут, борясь с неприятным ощущением, что меня разглядывают. Рискнул приоткрыть один глаз и, все еще жмурясь, осмотрелся.

Это действительно оказалась маленькая круглая палатка. Изнутри она была чисто белой и мягко светилась.

Передо мной на корточках сидел мальчишка не старше

меня самого. Худой, светловолосый, очень бледный, что меня совершенно не удивило. На нем были только короткие мятые шорты из ярко-синей ворсистой ткани; на широком кожаном поясе висел длинный тонкий нож в ножнах.

Страх у меня начал проходить. Я-то ожидал увидеть взрослого громилу со зверским лицом, а не ровесника.

– Я тебя не знаю, – с подозрением сказал мальчишка.

– И я тебя тоже, – парировал я. В палатке было тепло и светло. Существа из мрака казались здесь просто дурным сном. Я совершенно не боялся.

– Ты откуда? – продолжал допрос мальчишка. Руку он держал на ноже, словно готов был в любую минуту пустить его в дело.

– Издалека, – честно и бесполезно ответил я. Как ни странно, моего собеседника ответ устроил. Но без уточнений не обошлось.

– Где твои родители? Где твои друзья?

– Там, где светло. – Со злости я решил разнообразить ответы. Эти слова неожиданно подействовали.

– Извини, – как-то виновато пробормотал он. – Мои... ладно. Ты совсем один?

Правда – это такая удобная штука, что нет никакой необходимости заменять ее ложью. Из нее и так можно сделать что угодно.

– У меня был друг, но он ушел искать свет.

Мне почему-то показалось, что после этого вопросы о

друге отпадут. И не ошибся. Мальчишка шмыгнул носом и протянул мне руку.

– Лэн.

– Данька. – Я пожал ему ладонь.

– У меня тоже был друг, – неожиданно сказал он. – Но ему не удалось вырваться из башни. Он был Старшим.

– А мой друг был младше.

– Да? – Он явно удивился. – Ты что собираешься делать?

– Выбираться отсюда.

– Пойдешь в наш город?

А почему бы и нет? Меня здорово разморило в тепле, но я старался не терять нить разговора. Чем сидеть голым в горах и ждать Котенка, который может и не явиться, лучше уж пробираться к цивилизации.

– А меня там нормально примут? – осторожно поинтересовался я.

– Спрашиваешь! – возмутился Лэн. – Если я за тебя поручусь, то все будет в порядке... Ты не думай, я не хвастаюсь!

– Да я верю, – вяло ответил я. – Лэн, можно мне поспать?

– Ну я и дурак! – Лэн вскочил и стал рыться в маленькой сумке, валяющейся в углу. – Ты же есть хочешь, точно? Извини, у меня немного.

Через минуту я ожесточенно грыз жесткое не то копченое, не то просто высушенное мясо. Когда от куска ничего не осталось, Лэн протянул мне горсть фиников или чего-то очень на них похожего и фляжку.

– А ты? – вяло сопротивлялся я, уже начиная поглощать финики.

– Ты Старший, раз мы теперь пойдем вместе, – наставительно сказал Лэн. – И вообще я сегодня уже ел.

Может, это и нехорошо, но больше я не спорил. Допил из фляжки густое сладкое молоко (на вкус оно было как слегка разведенная сгущенка), виновато посмотрел на Лэна. А он уже раскладывал на полу коротенькое одеяло.

– Давай спи, потом все решим, – чуть ли не подталкивая меня к одеялу, сказал Лэн. – Спи.

Странно он себя вел. С одной стороны, словно действительно решил, что я старший и он должен мне прислуживать, как... ну, как молодой солдат старому, что ли. И одновременно заботился так настырно, словно я был ребенком, а он взрослым.

Но подумать как следует я не смог. Лег – и словно провалился. Вот что такое не есть, мерзнуть, а потом вдруг попасть в тепло и перекусить.

Проснулся я от того, что Лэн навалился на меня и зажал ладонью рот. Честно говоря, со сна я решил, что он просто усыплял мою бдительность, а теперь решил задушить. И я стал выворачиваться, пихая Лэна в живот локтем. Он ойкнул и зашептал в самое ухо:

– Тихо, это дозорный! Тихо!

Я замер. И услышал, как над нами, совсем низко, тяжело и медленно хлопали огромные крылья. Мы лежали, прижав-

шись друг к другу, а вверху парило что-то страшное даже на звук.

Наконец шелест крыльев исчез вдаль. Мы сели. Лэн посмотрел на меня и тихо сказал:

– Улетел. К ближайшей башне.

– Ну и здорово, – еще плохо соображая, ответил я.

– Да он же нас увидел! – вдруг выкрикнул Лэн. И всхлипнул, явно собираясь разреветься.

Тоже мне отважный воин сказочной страны. Я схватил его за плечо:

– Лэн! Опомнись! Сваливать надо!

– Что?

– Бежать, драпать... – Я хотел добавить «рвать когти», но вспомнил летающих монстров и передумал.

– Да-да. – Лэн мгновенно развил бурную деятельность. Засунул одеяло в сумку, открыл палатку (свет при этом мгновенно погас), выкинул сумку наружу. Из темноты дохнуло холодом.

– Выходи, – строго, словно я делал что-то неприличное, сказал Лэн. Я пожал плечами и на ощупь направился к выходу.

– Подожди...

Мне в ладонь легла холодная гибкая лента.

– Надень очки.

– А ты?

– Но я же буду в Крыле! – удивился Лэн.

Выбравшись из палатки, я приложил ленту к глазам. И вздрогнул. Тьма расступилась. Я увидел холмистую равнину, опоясанную горами, редкие деревья вокруг нас. Посмотрел вверх – и взгляд уткнулся в низкое серое небо. Какое-то очень низкое и плотное, словно отлитое из свинца. Завязав ленту на затылке, я покрутился немного, проверяя, прочно ли держатся странные «очки». Ничего, нормально держались. Это был не прибор ночного видения, как те, что показывают в кино, – ну, когда чем теплее предмет, тем ярче он светится... Эта штука просто превращала ночь в сумрак.

За моей спиной раздался шорох. Я обернулся и увидел, как маленькая круглая палатка с Лэном внутри вздрогнула и начала сминаться. Не просто упала, а съежилась, обтянув стоявшего внутри мальчишку, превратившись во что-то вроде комбинезона и плаща одновременно. Вдоль рук Лэна теперь свисали широкие черные складки ткани. Крылья?!

Лэн подошел ко мне – перед глазами у него был маленький прозрачный щиток, наверное, тоже позволяющий видеть в темноте, подобрал свою сумку и безнадежно сказал:

– Ничего не выйдет. Ты-то без Крыла. А пешком нам не убежать.

Меня эти слова разозлили. Если бы я раздумывал, удастся или нет убежать, я так и остался бы внизу дожидаться Черного огня.

– Где твой город?

Лэн поколебался, потом махнул рукой:

– Там. Надо лететь над рекой... ну а потом еще идти.

– Река далеко?

– Полчаса пешему. – Лэн с надеждой посмотрел на меня. –

Ты что-то придумал?

– Не знаю, – уклонился я от ответа. – Но в крайнем случае ты ведь можешь улететь.

Лэн отвернулся.

– Данька... Я потерял Старшего не по своей вине, клянись.

– Я верю, – растерянно сказал я.

– Так зачем говоришь, что я могу тебя бросить?!

Я осторожно взял его за руку. Под черной тканью пальцы казались жесткими и напряженными.

– Лэн... Брось. Я вовсе не это имел в виду. Просто если хоть один может спастись, то...

– Ты бы меня бросил?

Я опустил глаза. Что бы я сделал, появишься в небе черные тени? Если бы я мог улететь, а почти незнакомый мне мальчишка – нет? Что бы я сделал? Не знаю.

К счастью, Лэн понял мое молчание по-своему.

– Вот видишь, Данька, – уверенно сказал он. – Я тоже. Правда.

– Пойдем к реке, – предложил я. – Надо торопиться.

И мы пошли. В очках это было совсем нетрудно, и минут через двадцать мы вышли к обрывистому склону. Под нами текла река.

Нормальная горная река. Очень быстрая, довольно узкая и с торчащими из воды там и тут камнями.

Моя гениальная идея сразу показалась мне дурацкой. Но показать это Лэну было никак нельзя. Я поежился и сказал:

– Мы спускаемся к реке, там ты превращаешь свой костюм в палатку...

– Во что?

– В укрытие. Оно не пропускает воду?

– Нет, конечно!

– Отлично. Мы в него забираемся, сталкиваем в воду и плывем до города.

– Да? – недоверчиво спросил Лэн. – Крылу после этого конец придет.

– Иначе он *тебе* придет, болван!

Лэн вздохнул.

– Ладно. Хоть спланирую напоследок... Цепляйся, Старший!

Я неуверенно подошел к нему со спины. Лэн многозначительно покрутил пальцем у виска:

– В твоём городе ухитряются летать с грузом на спине?

– Мы вообще не летаем с грузом, – признался я.

– Тогда смотри...

Лэн заставил меня повиснуть на нем спереди, обхватив руками за шею, а ногами за пояс. В американских боевиках так виснут на отважных полицейских спасенные из лап террористов дети. Но Лэн-то не был полицейским с фигурой

Шварценеггера. Он пошатывался, колени у него явно подгибались, но он все же подошел к самому краю обрыва. Я глянул через плечо, и мне расхотелось участвовать в этом эксперименте.

– Лэн, – начал я. Но он меня не слушал. Он шагнул в пропасть.

Закрыв глаза, я вцепился в Лэна, как голодный клещ в жирную собаку. За спиной Лэна тяжело хлопали крылья. Мы то ли падали, то ли все-таки летели, черт его знает. Лэн напрягся, и крылья захлопали чаще. Мы замедлили спуск, потом нас тряхнуло.

– Слезай, – строго сказал Лэн. И, не удержавшись, рухнул на камни.

Мы стояли у самого берега на мокрых камнях. Планировали мы метров двести, не меньше.

– Отлично слетели, – сказал я, и Лэн расцвел в улыбке. – Ну что, будем пробовать?

– Будем.

Вблизи река казалась куда быстрее, но одновременно и шире, так что шансы у нас действительно были. Мы разложили палатку-укрытие, стащили ее на мелководье, запрыгнули внутрь и закрыли вход. Потом нам пришлось вылезать и оттаскивать палатку дальше от берега, потом мы мучились с пропускающей воду дверью...

Когда укрытие поплыло более или менее устойчиво, я запоздало поинтересовался у Лэна:

– А водопадов на этой реке нет?

– Нет, только пороги, – успокоил меня Лэн.

Дальше мы плыли молча, перекатываясь по мокрому дну палатки, налетая друг на друга, временами выглядывая в крошечное окошечко, которое на комбинезоне Лэна было очками. Как ни странно, но минут через пять каждый толчок в дно палатки стал вызывать у нас не страх, а лишь веселый смех. Не знаю, почему так храбрился Лэн. Я-то просто не мог воспринимать происходящее всерьез. Просто классный аттракцион. Только бы быстрее вернулся Солнечный котенок и нашел меня. А в том, что он найдет, я не сомневался. Все-таки он был волшебником, пусть и маленьким.

Плыли мы часа два, прежде чем Лэн сказал, что узнает окрестности города.

3. Клуб Старших

Город, где жил Лэн, меня поразил.

Почему-то я был уверен, что город окажется спрятанным под землей, что это будут узкие сырые пещеры с замаскированными входами, у которых дежурят мрачные громилы с огромными мечами в руках. А мы, пройдя не больше часа, вышли к самому обыкновенному городку, стоящему на холмах и никак не замаскированному. Ну ладно, сейчас-то ночь – жутко длинная местная ночь. А очков, позволяющих видеть в темноте, у врагов может и не быть. Но как же днем? Или днем существа из мрака не летают, они ночные? Но они же видят в темноте...

Ерунда какая-то получалась. Мы добрались до самой окраины, никого не встретив, и только здесь к нам подошли двое крепких парней. У одного через плечо болтался арбалет, у другого на поясе висел длинный нож. Одежда на них была довольно обычная: брюки и куртки, ничего похожего на странный комбинезон-крыло-убежище Лэна. Парни с любопытством оглядели меня, хмыкнули, потом уставились на Лэна. Тот сразу опустил глаза, замялся и подался ко мне.

– Привет, – как-то задумчиво, словно решая, стоит ли вообще здороваться, произнес парень с арбалетом.

– Здравствуй, Шоки, – торопливо сказал Лэн. – Как в городе?

– В городе нормально. А где твой Старший?

– Нас поймали, – быстро, но сбивчиво начал Лэн. – Мы так дрались, но нас поймали, а потом потащили в башню, и Керт сказал, чтобы я вызвал помощь, а сам отвлек Летящих...

– А почему не наоборот, Лэн? Почему не ты отвлекал, чтобы Керт летел за помощью?

– Он же плохо летал! – отчаянно воскликнул Лэн. – Вы же знаете, он уже тяжелый! Керт понял, что ему не уйти, и велел мне...

– Предупреждал я Керта, что с этим сопляком он влипнет, – вступил в разговор парень с ножом. – В какой башне ты его бросил?

– Я не бросал!

– Где Керт?

– В Круглой башне на Восточном хребте. Там, где...

– Знаю. Поздно уже его выручать – Керт давно с *ними*. А что за придурка ты привел?

Тут я не выдержал. Таких козлов, как эти два парня, в старших классах у нас полно. И если им сразу не дать отпор, то будет только хуже.

– Придержи язык, шестерка! – сказал я. – И кончай наезжать на Лэна! Ты слишком много стараешься думать, тебе это вредно!

Парни остолбенели. Потом Шоки подошел ко мне и процедил:

– Кто твой Старший, парень? И во сколько он тебя ценит?

Может, я и наскребу на штраф, а?

– Он из другого города, – неожиданно встрял Лэн. – Все его погибли, я обещал ему защиту!

– Раз обещал – то убивать не будем, – с готовностью согласился Шоки. – Не знаю только, зачем он нам нужен. Этот паренек ухитрился потерять не только своего Старшего, но и оружие, и Крыло, ведь так?

– Он сам был Старшим в паре, – тихо сказал Лэн. Вот тут-то парни удивились по-настоящему. Тот, имени которого я не знал, растерянно спросил у меня:

– Лэн не врет? Подтверди!

Похоже, моего вранья никто не ожидал. Ну и ладно.

– Лэн прав. Я был Старшим и остался один.

Парни как-то сникли, и я решил закрепить успех:

– А что до оружия и Крыла... Если бы ты был на моем месте, то потерял бы и голову, не сомневайся.

Они не спорили. И никак не пробовали поймать меня на лжи. Лишь Шоки спросил, да и то без всякой подозрительности, явно из любопытства:

– Ты из какого города, Старший, просящий защиты?

Ни с того ни с сего я соврал:

– Из Москвы.

Москва прокатила. Да и любой другой город прокатил бы, я думаю. Шоки кивнул и заявил:

– Вроде слышал о таком... Ты придешь вечером в Клуб?

Я кивнул, потому что другого ответа от меня явно не жда-

ли. И пошел вслед за Лэном, который уже с минуту делал мне глазами знаки: сваливаем, мол. Но когда мы отошли метров на пять, Шоки еще раз окликнул меня:

– Эй, Старший из чужого города!

Обернувшись, я уставился на него.

– Ты что, собираешься работать с Лэном?

Я вообще еще ничего не собирался и не нашел, что ответить. Шоки добавил:

– Не советую. Он трус. Сгинешь, как Керт. До вечера!

Мы двинулись дальше. Лэн молчал, я тоже не знал, что сказать. Впрочем, впечатлений мне хватало и так, и я почти сразу забыл об этом разговоре – смотрел по сторонам.

Когда я сказал, что город был самый обычный, я, конечно же, не имел в виду наш город. Этот был обычным именно для такого, сказочного мира. Булыжные мостовые, и каменные дома со всякими башенками, похожие на маленькие замки, и несколько самых настоящих замков, правда, вдалеке. Только народа не видно.

– Никого нет, – сам себе сказал я.

– Так поздно уже, пока с ребятами болтали, часы восемь пробили, – торопливо сказал Лэн. – Кто в клубах, кто в соборе, кто по домам разошелся. У нас не любят ходить вечерами.

Только через несколько секунд я допер до смысла его слов.

– Восемь? Вечера?

– Да. Мы встретились утром, потом ты спал, потом пока добрались... Что-то не так?

Лэн очень уж суетился, но я сейчас не обращал на это внимания. Я наконец-то признался себе в том, что понял уже давно. Здесь нет дня. Или он есть, но ничем не отличается от ночи.

А значит, Котенок не сможет вернуть меня домой. Да и хватит ли ему сил облететь мир, раз повсюду тьма?

– Лэн, мне нужен Настоящий свет, – тихо сказал я.

– Да мы почти дошли, – быстро сказал Лэн. – Сейчас включим свет, снимем очки...

Он не знал, что такое Настоящий свет. Его нельзя включить.

– Лэн, Лэн... – пробормотал я. – Ты бы знал, как я влип.

– Мы пришли, – враз изменившимся голосом сказал Лэн. Он подошел к двухэтажному дому с высокой круглой башенкой и открыл выходящую прямо на улицу деревянную дверь. Она была похожа на ту, Потаенную, через которую мы с Солнечным котенком сюда пришли, и мне стало еще тоскливее.

– Дай руку, – сказал Лэн, и я заметил, что у него дрожит голос. – Пусть дверь тебя запомнит... Даже если ты передумал.

Я не понял, но руку дал. Лэн приложил мою ладонь к бронзовой ручке, сверху положил свою ладонь. И тихо сказал:

– Это друг. Он всегда может войти.

– Классные у вас замки, – сказал я, когда мы вошли и закрыли дверь.

– Не у всех, только у нас, Крылатых, – рассеянно сказал Лэн. Хлопнул в ладоши, и в комнате вспыхнули ярким светом белые стеклянные шары. Не электрические – никаких проводов от них не шло, – но все равно здорово. Я снял очки, Лэн стянул свой комбинезон, потом задумчиво посмотрел на меня.

– Слушай, Данька, я бы тебе дал одежду Керта, ты же будешь Старшим, а ему уже не понадобится, но он куда здоровее... Может, пока мою возьмешь?

– Давай, – согласился я, озираясь.

Комната, куда мы вошли прямо с улицы, была огромной, наверное, весь первый этаж занимала, и выглядела очень забавно. Посредине – круглый стол, вокруг несколько мягких кресел – это все нормально. Зато вдоль стен! Словно собрали мебель из самых разных помещений и установили по периметру. Шкафы с книгами и мягкий диван со столиком; ковер с наваленными на него подушками; грубый стол с колбами и ретортами, а над ним, в шкафчике, куча всяких химикатов; часть стены увешана всяким холодным оружием – ножами, мечами, арбалетами и совсем непонятными штуками; какой-то музыкальный инструмент вроде маленького пианино... а, вспомнил, кажется, клавесин; огромный аквариум с яркими рыбками; картины на стене, а под ними – задернутый тканью мольберт...

Картины я рассмотреть не успел, ко мне подошел Лэн с одеждой. Мрачноватой такой одеждой: серый костюм, в каких только юные вундеркинды-скрипачи выступают, белая рубашка и светло-синий галстук.

– Шикарная комната, – честно сказал я.

Лэн гордо улыбнулся и протянул мне одежду.

– А другого ничего нет? – неуверенно поинтересовался я.

– Ты же в Клуб идешь. У нас положено так...

– Ясно. Ну, у нас не так строго, – начал я выкручиваться.

Но Лэн на это особого внимания не обращал. Он мялся, потом раскрыл рот, но сказал явно не то, что собирался:

– Ванная – там, на втором этаже, где спальни. Можешь выбирать любую комнату, Керта или мою, все равно.

– А твои родители не будут против? – на всякий случай спросил я.

Лэн выпучил глаза:

– Родители? Я же Крылатый и... и тем более папа давно исчез, а мама редко заходит.

– Да, я пошел, – засуетился я, чувствуя, что прокалываюсь, и направился к лестнице, что вела на второй этаж.

– Данька! – окликнул меня Лэн. Резко, словно вдруг собрался с духом.

– Что?

– Я в пару не навязываюсь, не думай. Если хочешь выбрать другого партнера, я помогу. Только Шоки все врал, не думай. Я не трус. И Керта я не бросал.

Что тут можно было сказать? Я в их взаимоотношениях понимал меньше, чем в званиях кувейтской армии. Но Лэн стоял и смотрел на меня с таким видом, словно от моих слов вся его судьба решалась. Не говорить же ему, что никакой я не Старший, тем более – не Крылатый.

– Младший, найди чего-нибудь пожевать, а? – попросил я. И Лэн сразу просиял и кивнул.

Ванную я нашел без труда, хлопнул в ладоши, от чего тут же включился свет, и присвистнул.

Ничего себе. Целый маленький бассейн. И две толстенные трубы с кранами: горячая и холодная вода.

Я включил воду посильнее, разделся, что в моем положении много времени не заняло, и забрался в горячую воду. Класс! Это не бегать в одних трусах по горам, прячась от каких-то непонятных монстров. Как бы выудить из Лэна всю информацию, да еще так, чтобы он ничего не заподозрил?

Блаженствовал я довольно долго, потом понял, что вот-вот засну, вытерся первым попавшимся под руку полотенцем и оделся в «клубный» костюм. Ничего, только в плечах пиджак немного жал и галстук я так и не смог завязать. Спустившись вниз, я обнаружил, что Лэн нарезал целую гору бутербродов с мясом, а посреди стола поставил большую бутылку с каким-то оранжевым соком.

Совсем здорово. Только поесть мне не удалось, потому что Лэн быстро сказал:

– Данька, ты уже опаздываешь в Клуб. Без пяти девять.

Он тоже был в костюме, только белом, и без всякого галстука. Перехватив мой взгляд, Лэн объяснил:

– Я тоже в Клуб, неудобно после вылета не прийти. Что, галстук?

Он забрал у меня эту самую дурацкую часть гардероба, плюхнулся в кресло, накинул галстук на колено и стал завязывать.

– Керт тоже не умел завязывать. Ну, умел, только не любил, меня всегда заставлял.

Это «заставлял» меня неприятно резануло.

– Вы с ним были друзьями?

– Мы? Ну, в общем, да. Мы же партнеры...

Углубляться в расспросы я не стал. Лэн справился с галстуком, помог мне затянуть его на шее, критически осмотрел и кивнул:

– Пойдет. Смешно, конечно, но это потому, что ты для Старшего слишком молодой...

Лэн запнулся и вдруг поднял на меня глаза. Очень серьезно спросил:

– Данька, ты действительно был Старшим?

Отступить было поздно:

– Конечно. А чего ты спрашиваешь?

Лэн расслабился:

– У нас за такой обман убивают. Вот... я испугался.

Прелесть. Я вдруг понял, что, несмотря на светящиеся шары и горячую воду, вокруг все-таки средневековье.

– У нас не так строго, – заставил я себя улыбнуться. – Разве что шею намылят.

– Нет, у нас вешают только предателей, – не понял меня Лэн. – Обманщиков убивают мечом. – Он отвел взгляд, поколебался, но все же добавил: – И трусов тоже.

– А тебя могут объявить трусом? – неожиданно спросил я. Лэн вздрогнул:

– Ты же взял меня в партнеры. Значит, поручился, что я не трус.

Вот как. Я подумал и сказал:

– А я смог за тебя поручиться, потому что ты поручился за меня, пообещал защиту. Так?

– Так...

– Класс. Круговая порука.

На Лэна жалко было смотреть. Я не выдержал и спросил:

– Мы не опоздаем?

– Дикое крыло! – непонятно выругался Лэн. – Бежим!

И мы рванули из дома. На ходу Лэн объяснил мне дорогу обратно из Клуба, я вначале не понимал, зачем он это делает, потом спросил:

– Ты ведь тоже в Клуб, вместе пойдем обратно...

– Я в наш, для Младших, – с легким удивлением объяснил Лэн. – Станный город Москва, все у вас по-другому.

– Это точно, – признался я, хотя, если честно, в Москве не бывал ни разу.

– Может, мне тебя подождать у входа? – предложил Лэн. –

Я пораньше уйду...

– Ничего, разберусь, – отмахнулся я. Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Не то армейские у них тут порядки, не то вообще тюремные. И еще ко всему вечный мрак и пустота на улицах. Жуть!

– Вот ваш Клуб. – Лэн ткнул пальцем в огромный красивый дом на другой стороне улицы. Над домом торчала высокая башня, что делало его похожим на восточную мечеть. – Наш дальше, два квартала и налево. Я пойду?

– Иди.

– Тебя точно не ждать?

– Лэн, кончай! – не выдержал я. И Лэн тут же прекратил заискивать, неуверенно пожал мне руку и побежал по улице. Быстро побежал, наверное, здорово опаздывал в свой Клуб.

Прежде чем войти в здание, я снял очки и постоял, вглядываясь в темноту. Ни из одного окна не падало даже лучика света, очертания домов угадывались шестым чувством, а не зрением, но я все же постоял, выискивая в небе светящуюся точку – Солнечного котенка. И ничего не увидел. Тогда я набрал в грудь побольше воздуха и толкнул дверь Клуба.

Вот здесь все оказалось таким, как я и ожидал. Зал со столиками, креслами, стойкой, как в баре. Тут было человек тридцать, и все молодые. Лет, наверное, от пятнадцати до двадцати. При моем появлении они прекратили разговаривать, и все взгляды устремились на меня.

Я подумал и подошел к стойке. Интересно, надо здесь пла-

тить или нет? За стойкой был парень лет семнадцати, скупающий в компании бутылок и кувшинов. Очень бледный и худощавый, что явно было местной традицией.

– Вина? – приветливо улыбнулся он.

Напиться мне только не хватало. Я помотал головой.

– Сока.

– И только? Какого?

– Любого.

Пожав плечами, он налил мне большой стеклянный стакан ярко-желтой жидкости. Потом, словно внезапно прозревая, воскликнул:

– Постой! Ты же новый Старший, пришедший с Младшим Лэном!

– Да, – осторожно согласился я. Назревал подвох.

– Отлично. – Парень стал стягивать с себя цветастый оранжевый фартук. – Значит, ты занимаешь мое место. У нас так принято. Не забудь вымыть полы, когда все разойдутся, и...

Я посмотрел в зал. Все явно наслаждались спектаклем.

– Шутишь, – с самой милой улыбкой сказал я и пошел от стойки. Парень стал молча надевать фартук – значит, я все сделал правильно.

– Данька!

Повернувшись на голос, я увидел Шоки, сидящего за столиком у камина вместе с двумя другими парнями. Все они выглядели лет на двадцать, максимальный среди присутствующих возраст, и казались порядком истощенными. Один ку-

рил длинную сигарету, и я почувствовал запах дыма – странный, сладковатый, не похожий на табачную вонь.

Надо же, имя как-то узнали...

– Садись с нами! – продолжал Шоки. Отказываться смысла не было, и я сел за их столик на свободное место, напротив Шоки.

– Как тебе наш Клуб?

Я пожал плечами.

– А город?

Я улыбнулся.

Шоки покачал головой:

– Да, разговорчивым тебя не назовешь. Ничего, Данька, я позабочусь, чтобы тебя не обижали. Ты слишком маленький... на вид... вот в чем проблема.

Отмалчиваться дальше было трудно, и я сказал:

– Знаю. Ничего, это пройдет.

– К сожалению, пройдет, – вздохнул Шоки. – Ты не дурак, Данька, и понимаешь, в чем дело. Я, например, уже смирился, что летать мне осталось от силы полгода. Гнат и Алк, – он взглянул на своих соседей, – тоже это понимают. Хоть и лезут вон из кожи, чтобы вес не набрать. А многих твоё появление задело. Как же так, ты уже Старший и будешь летать еще много лет. А их время подходит к концу, и ничего с этим не поделаешь.

Наконец-то я понял, в чем дело. Крылья не могли поднять взрослого, вот почему здесь летали и сражались с тварями

из мрака только дети и подростки.

Понятно и почему Старшие так относятся к Младшим. Их время проходит, а им еще хочется иметь Крылья. Неясно только, чем же в этом мире занимаются взрослые.

– Данька...

Я посмотрел на Шоки.

– Ты сделал Лэна своим партнером?

– Да.

– Не ошибись, Данька. Не тебе объяснять, что такое партнер. А Лэн, во-первых, трус. Не заводись, я понимаю, он помог тебе, когда ты оказался без Крыла, без оружия, без дома. Но для него в этом была своя выгода, поверь.

Я отхлебнул сока из стакана. Очень кислого. Лимонный, что ли? Даже скулы сводило.

– Во-вторых, Лэн плохой боец. Он прекрасно летает и способен удрать от любого Летящего. Но мы же надеваем Крылья не для того, чтобы удирать.

Я продолжил сеанс самомучения, отпив еще сока.

– И в-третьих, – жестко продолжил Шоки, – вы с Лэном по возрасту ровесники. Более или менее ровесники. Через два-три года он станет Старшим, если, конечно, ты за это время не погибнешь и мы не сможем с ним разобраться по заслугам. Тебе придется менять партнера. Зачем эти проблемы? Я найду тебе хорошего парня, который только примерил Крыло. И позабочусь, чтобы вы не попадали на опасные задания, пока твой партнер не окрепнет. Идет?

Я молчал, цедя сок.

– Вдобавок, Данька, Лэн недолго будет послушным и вежливым. Сейчас он рад уже тому, что спасся и от Летящих, и от нашего наказания. Через пару дней он решит, что подчиняться ровеснику нет особого смысла. Тебе либо придется выбивать из него дурь, как делал Керт, либо смириться с непокорным партнером. Мне кажется, что тебе не хочется ни того, ни другого.

Шоки не врал, я это чувствовал. Он говорил то, во что верил, и лишь потому, что я был чем-то ему симпатичен. И слова его стоило обдумать. Шансов вернуться домой у меня оставалось все меньше и меньше, и если уж придется здесь жить... какое-то время... то стоит прислушиваться к добрым советам.

Лэн, конечно, меня спас. Но и я его тоже. А вначале он вообще хотел меня убить.

И если я сейчас выберу себе другого партнера, то...

– Мне очень жаль, Шоки, – сказал я, глядя ему в глаза.

Он кивнул:

– Я так и думал. Но должен был предупредить. Ты мне нравишься, Данька. Будь ты Младшим, я взял бы тебя в партнеры.

Я не успел ответить на этот неожиданный комплимент, потому что меня похлопали по плечу. Не слишком вежливо, скорее требовательно.

За моей спиной стоял тот парень, что встретил нас на

окраине вместе с Шоки. И взгляд у него был такой мутный, что сразу стало ясно: он пил не сок.

– Ты очень молодой Старший, Данька, – с вялой улыбкой сказал он.

Вокруг мгновенно наступила тишина. Я посмотрел на парня, на его тесный, топорщившийся костюм – он явно пытался выглядеть менее крупным, чем был на самом деле. И сказал:

– А ты очень взрослый Старший.

Он поморщился. Я ударил в его больное место.

– Ты уверен, что сможешь постоять за себя, Старший Данька?

– Да.

Меня стала бить мелкая дрожь. Хорошо еще, что изнутри, незаметно для других.

– Ты рискнешь уложить меня?

– Прямо сейчас? – тихо спросил я.

– Почему бы и нет?

Когда я ходил на айкидо, этому удару нас обучали вне программы, в самом начале. На тот случай, если какой-нибудь странный дядя начнет знакомиться с нами в темной подворотне. Не вставая, я ударил.

Парень сложился пополам, держась за пах. Я выскочил из-за стола, опрокинув стакан с кислым соком, и замер. Мой противник медленно распрямился и прошипел:

– Я тебя кончу...

Кто же бьет со всего размаху, особенно если противник знает айкидо? Я уклонился, перехватывая его руку и слегка подправляя полет противника. Он красиво проскочил мимо столика и врезался головой в железную каминную решетку.

После такого встают лишь в китайских каратульниках. Парень явно их не смотрел и вставать не пытался. Огонь в камине был жарким, его волосы сразу же начали тихо потрескивать.

– Надо оттащить, пока не загорелся, – сказал я, усаживаясь.

Тишина по-прежнему была гробовая. Шоки взял свой стакан с остатками вина, отхлебнул и протянул мне. Я, не раздумывая, глотнул. Вино оказалось кислым и слабеньким, как шампанское.

– Он теперь твой, – неторопливо сказал Шоки. – Разрешаешь его оттащить?

Я кивнул. Страх медленно проходил.

– Гнат, – Шоки кивнул своему соседу, – спаси этого идиота. Ему же завтра в вылет.

Гнат, не особенно торопясь, оттащил «идиота» от камина и уложил в углу.

– Думаю, часть проблем ты отложил, – с поощрительной ноткой сказал Шоки. – Жалко, что ты не Младший.

– Так получилось, – честно сказал я. – Мне пора, Шоки. Мой Младший ждет меня.

Шоки молча кивнул, и я, больше ни с кем не прощаясь,

вышел из Клуба Старших.

4. Возвращение Котенка

До своего нового дома я добрался, почти не заплутав по дороге. Моего Младшего еще не было, но дверь послушно открылась, едва я коснулся ручки.

Когда я увидел стол с медленно черствеющими бутербродами, мое честное намерение дожидаться Лэна и поужинать вместе куда-то делось. Я слопал не меньше половины, выпил почти весь сок из бутылки и развалился поудобнее в кресле. Интересно, они тут всегда питаются сухим пайком? Или ждут прихода мамы, которая кормит юных защитников борщом и котлетами, стирает им рубашки, гладит костюмчики и удаляется в неизвестном направлении?

Я фыркнул, оценивая комизм ситуации. Так, подойдем-ка к сказочному миру, где я оказался, логически.

Тут вечная ночь. Это, конечно, происки темных сил, на то они и темные, верно? В качестве темных сил выступают Летящие – твари из мрака...

Но едва я вспомнил хлопанье крыльев во тьме и мрак, который был темнее ночи, шутить мне сразу расхотелось. Я невольно поежился и дальше думал серьезно.

Есть города, в которых живут люди. У людей есть Крылья, которые позволяют сражаться с Летящими, но Крылья поднимают лишь подростков. Поэтому они и воют. Логично? Вполне.

А что делают взрослые? Видимо, занимаются менее романтичными делами: строят, пашут, сеют... Что сеют, здесь же нет света? Впрочем, трава и деревья ухитряются как-то расти, может, и пшеница приспособилась. Я повертел в руках еще один бутерброд, хлеб выглядел вполне обычным.

Пойдем дальше. Кому все это выгодно? Кто здесь побеждает? Летящие? Вроде бы их в городе не особенно боятся. Впрочем, за пределами города Крылатые гибнут, это уже ясно. Война у них тут зашла в тупик, сразу видно. Выходит, нужно как-то договориться с Летящими и свести дело к миру.

И я вполне могу это сделать, потому что пришел из другого мира и смотрю на все свежим взглядом.

Я не успел толком насладиться своими верными и оптимистическими догадками, как дверь хлопнула и в дом вбежал Лэн.

– За тобой гонятся? – Я невольно поднялся.

– За мной? Нет, просто я спешил. – Лэн подошел, уселся рядом и объяснил: – Зашел в ваш Клуб, мне сказали, что ты ушел. Я подумал, вдруг ты заплутал... Данька, в Клубе все нормально прошло?

– Почему ты спрашиваешь?

– Там на меня так посмотрели... странно... – Лэн поежился. – Ты ни с кем не ссорился?

– Ссорился.

– С кем?

– Я не успел познакомиться. А потом он не хотел разговаривать.

Лэн расцвел в улыбке:

– Здорово. Я так и думал, что ты сможешь за нас постоять. Он сообразил, что сказал не совсем то, и замолчал.

– Лэн, а ты меня не предашь? – напрямик спросил я. – Я летаю... так себе, а дерусь лучше на земле. Если мы попадем в переделку...

– Данька!

– Лэн...

Он отвел взгляд.

– Мне говорили, что я делаю большую ошибку, беря тебя в партнеры.

– А ты что сказал?

– Что ты мой партнер.

Лэн закусил губу. Расстегнул верхнюю пуговку на рубашке, помялся, не зная, куда деть руки, потом жалко попросил:

– Дай мне шанс, Старший. Я не подведу.

Оптимизма мне это заявление не прибавило. И в то же время стало стыдно за то, как я загоняю Лэна в угол. Поднявшись, я коснулся его плеча:

– Ладно, Младший, попробуем, я пойду спать. Комната твоего напарника слева или справа по коридору?

– Слева.

– Отлично, я ее занимаю. До завтра!

Лэн смотрел на меня, пока я поднимался по лестнице, но

ничего не сказал. Я вошел в спальню, которая теперь была моей, и с невольным смущением огляделся. Еще пару дней назад здесь жил совсем другой человек, потом он попал к Летящим, и все. Место свободно, вселяйся кто хочет.

Комната была просторной, но совсем просто обставленной. Окно, как и внизу, наглухо закрыто темными шторами; широкая кровать с очень толстым одеялом стояла посреди комнаты. Я сразу решил, что завтра передвину ее, потому что спать люблю у стенки. Еще был шкаф, куда я заглядывать не стал, и развешанное на стене оружие. Я не удержался, снял короткий, в полметра длиной, меч и осмотрел.

Хороший, наверное. Откуда мне знать. Я повесил меч на место, забрался под одеяло и уже привычно хлопнул в ладоши. Свет погас.

– Спокойной ночи, – сказал я сам себе и закрыл глаза. Спать хотелось ужасно, слишком много всего случилось за день. И я мгновенно заснул.

Мне снился сон. Кошмарный сон, где перепуталось случившееся после Потаенной двери. Мне снилось, что я иду в темноте, совершенно один, обнаженный, и под ногами – ледяная корка, покрывшая камень. Потом я посмотрел вниз и увидел, что подо мной глубокая пропасть, дно которой горит черным огнем, а я иду по воздуху, не падая. Во сне я не удивился, просто пошел дальше. Но во тьме захлопали крылья, и передо мной возник силуэт из мрака. Я остановился, а чу-

довище медленно приблизилось ко мне. И я узнал лицо.

– Лэн? – прошептал я.

Лэн кивнул. И развел руками-крыльями. Мол, так получилось.

– Ты же говорил, что не предашь, – сказал я и почувствовал в своей руке меч. Тот самый, что наяву висел на стене в спальне. Тогда Лэн опустил руку в складки мрака, облегающего его как одежда, и потянул оттуда клинок. Очень медленно, со скрипом, меч выдвигался из тьмы. Клинок все рос и рос, а противный царапающий звук не стихал... Я проснулся.

И услышал, как когти царапают дерево двери. Меня мгновенно прошиб холодный пот. Хлопнув в ладоши, я включил свет, соскочил с кровати и сорвал со стены меч. Холод металла в руках соединил сон и явь. Встав у двери, я занес меч и толкнул дверную ручку левой рукой.

Дверь послушно открылась. В коридоре никого не было. Лишь из-под двери другой спальни пробивался свет – Лэн не спал. Я стоял как окаменелый, таращась в пустоту. И когда что-то коснулось моих босых ног, я не выдержал и заорал.

– Данька...

У моих ног сидел Солнечный котенок. Но в каком виде! Я с трудом узнал его, настолько он изменился. Шерстка перестала светиться, стала просто рыжей, глаза запали, он был худой, как самый несчастный дворовый котенок. Нагнувшись, я взял его на руки.

– Глупый мальчишка... – прошептал Котенок. – А ты молодец, ты хорошо устроился...

– Что с тобой? – еле выговорил я. – Что?

– Здесь нет дня, Данька, – не слушая меня, продолжал Котенок. – Здесь нет Настоящего света. Я не смогу вернуть тебя.

– Я знаю, знаю, это ерунда... Что с тобой?

– Умираю, – с какой-то неожиданной и неуместной гордостью сказал Котенок. – Нет Настоящего света, понимаешь? Я умираю от голода.

Я прижал его к груди, сел на пол и заплакал. Что я могу сделать? Где найти Свет? Краем глаза я видел Лэна, выскокившего в коридор и удивленно смотревшего на нас. Слышал, как устало дышит Котенок, как падают на пол мои слезы, как переступает на холодном полу Лэн...

Как мне найти Свет, чтобы спасти друга? Котенок вдруг слабо заворочался и сказал чуть окрепшим голосом:

– Данька, я не умру.

Лэн ойкнул и отступил на шаг. Но я не обращал на него внимания. Я прижал Котенка к себе еще крепче и спросил:

– Честно? Ты не врешь?

– Честно. Я глупее, чем ты, Данька, я забыл. Любовь – это тоже Настоящий свет. Пока ты любишь меня, я не умру. Правда.

Я засмеялся сквозь слезы и посмотрел на Лэна. Тот испуганно глазел на Котенка.

– Не пугайся, это просто Солнечный котенок. Это друг, – сказал я ему.

Лэн неуверенно кивнул.

– Котенок, это Лэн. Он теперь мой Младший, партнер и друг, – глядя Котенка по спине, сказал я. Котенок мягко высвободился, прыгнул на пол, и я с радостью заметил, что шерстка у него начала слабо светиться.

– Знаю, я же все-таки волшебник. Привет, Лэн!

– Привет, – прошептал Лэн.

– Ты теперь наелся? – спросил я у Котенка. Тот взъерошился.

– Глупый! – с прежней интонацией заявил он. – Любовью сыт не будешь. Не помру – и то хорошо.

Он, похоже, стеснялся своей недавней слабости. Я растерялся, не зная, что и сказать, но тишину нарушил Лэн:

– Я сейчас, сейчас, подождите...

Мы с Котенком недоуменно переглянулись.

– У него что, спрятано в шкафу полкило Настоящего света? – полюбопытствовал Котенок.

Я пожал плечами. А Лэн уже возвращался, прижимая что-то к груди. И сообразив, за чем он бегал, я чуть было не засмеялся.

Лэн тем временем поставил перед Котенком глубокое блюдечко и осторожно наполнил его из глиняного кувшина.

– Вот. Это сливки. Хорошие сливки.

Котенок смерил Лэна презрительным взглядом, потом по-

вернулся ко мне:

– Здесь все... такие заботливые? Заботливые мальчишки!

– Слушай, – шепнул я, – не обижай его. Он же не знает, что ты не пьешь сливки. Сделай вид, что лакаешь.

Котенок посмотрел на Лэна, который прямо-таки сиял от радости, и со вздохом подошел к блюдечку. Скопил на меня глаза и шепотом спросил:

– Так прямо и лакать?

Я ободряюще кивнул.

– Они не кислые?

– Свежие! – встрял в разговор Лэн.

Котенок с видом великомученика принялся лакать из блюдечка. Вначале медленно, потом все быстрее и быстрее, только язык мелькал над быстро убывающими сливками. Что-то не похоже, будто это притворство из дипломатических соображений.

– Откуда он? – с восторгом спросил Лэн.

Я понял, что придется либо врать напрапалу, либо признаваться.

– Лэн, я сейчас тебе расскажу все. Только не перебивай, пока не дослушаешь.

И я начал рассказывать. Про мое окно, куда редко заглядывало солнце, про Настоящий свет, который отразился от Настоящего зеркала...

Я рассказал все.

– А я никогда не видел солнца, – сказал Лэн. – У нас в городе живет старик, который его еще помнит. Но он очень старый, ему мало кто верит...

Он протянул руку и погладил Котенка. Тот, как ни странно, не сопротивлялся таким нежностям. Улегся мне на колени и умывался, как самый обычный котенок.

– Данька, а если Солнечный котенок откроет ту Потаенную дверь, ты уйдешь домой? – неожиданно спросил Лэн.

– Конечно!

– Можно мне с тобой?

Я растерялся. Это только в книжках можно привести друзей из сказки домой и сказать: «Мама, теперь мы будем жить вместе...» А на самом-то деле столько проблем возникнет...

– Данька, я же твой партнер... – Лэн шмыгнул носом и неуверенно добавил: – Я летаю хорошо. Я умею сражаться.

Представив Лэна, который сидит на военном полигоне, весь увешанный датчиками, а вокруг стоят зенитки – чтоб слишком далеко не улетел, – я вздрогнул. Как же ему объяснить?

– Не думаю, что в Данькином мире ты сможешь летать, – пришел мне на помощь Котенок. – Твои Крылья из этого мира. К тому же я не знаю, как мне теперь открыть дверь.

– Ты же наелся! Или еще налить?

Котенок фыркнул:

– От сливок волшебства не прибавится. Хотя в общем-то они вкусные. Но для волшебства нужен Настоящий свет. Ес-

ли бы рассвело, хоть на миг...

– Рассвет придет... – вздохнул Лэн. – Это в нашем при-
ветствии так уверенно говорится: «Я жду Рассвета – Рассвет
придет». А на самом деле никто уже в это не верит.

– Лэн, расскажи про ваш мир, – попросил я. – А то мы
ничего толком не знаем.

– Вначале я расскажу, – хмуро сказал Котенок. – Я, меж-
ду прочим, кругосветное путешествие совершил. В двух сло-
вах: везде темно. А если подробнее, то я видел много горо-
дов, где живут люди, и очень много башен... – Котенок по-
ежился, – ...где живут какие-то существа из Тьмы. Я видел,
как вы между собой деретесь; как эти, темные, берут в плен
ваших, как вы убиваете темных. Неприятное зрелище. Еще
я видел, как из большого города у моря идут караваны и от-
плывают корабли, которые исчезают в никуда.

– Это торговцы, – махнул рукой Лэн. – К нам тоже скоро
караван придет. Мы же не можем сами себя пищей обеспе-
чить, у нас теперь мало что растет. Торговцы не воюют, они
из другого мира. И с нами торгуют, и с Летящими.

– А вы им что продаете? – любопытствовал я. – Золото?

– Кому оно нужно? – удивился Лэн. – Ручки на дверях
делать? Так бронза красивее. Нет, мы торгуем собой.

– Что? – не понял я.

– Взрослые бросают жребий или просто сговариваются, –
со вздохом объяснил Лэн. – И нанимаются к торговцам или
покупателям торговцев.

– И что делают?

– Воюют. Мы хорошие солдаты, Данька, и не боимся смерти.

– Да уж, – иронически сказал Котенок, и Лэн примолк. А Котенок продолжил: – Еще я видел очень большую башню. Я даже не смог над ней пролететь, пришлось огибать. И она вся из мрака.

– Это башня Тьмы, – вновь заговорил Лэн. – Многие города пытались ее разрушить, но ничего не выходило. Там живет повелитель Летящих.

– Я и сам догадался, – буркнул Котенок. – Как вы дошли до такой жизни, мальчик?

– Не знаю. Говорят разное: и что напали Летящие, которые принесли с собой мрак, и что мы сами в чем-то виноваты... Не знаю.

– Спросим у того старика, что помнит солнце, – решил Котенок. – Он должен знать правду. А эти, из мрака, они ваши или из другого мира?

– Они чужие, – уверенно сказал Лэн. – Они появились вместе с темнотой. Если бы мы не купили у торговцев секрет Крыльев, нам бы совсем туго пришлось.

– А для взрослых Крыльев нет?

– Нет.

– Все с вами ясно, – твердо заявил Котенок. – Кто хоть правит у вас?

– Никто.

– Так не бывает.

– Бывает. У нас, Крылатых, есть свои законы, и все следят, чтобы они выполнялись. У девчонок – свои. У взрослых – тоже. А в дела друг друга мы не лезем.

– Ну, к вам не лезут – это ясно, – неохотно согласился Котенок. – Вы, Крылатые, сила. К тому же от Летящих всех защищаете. А если один из вас, постарше, похитит девчонку, которая ему понравится? Что женщины-то могут сделать?

– Лишат нас Крыльев. Только женщины умеют их делать, а Крылья живут месяц-другой, не больше. А от взрослых зависит, привезут ли нам торговцы пищу и оружие.

– Хорошо живете. Дружно, любовно. – Котенок фыркнул и принялся яростно вылизываться. – Анархия... мать порядка.

Он еще что-то бормотал, вспоминая каких-то революционеров, но явно уже сам себе. Я лично не понял, что плохого в такой жизни. А Лэн вдруг уставился на меня и спросил:

– Данька, вы что же, без Крыльев живете?

– У вас их тоже раньше не было, – огрызнулся я. – Зато у нас самолеты и вертолеты есть.

– Данька, так ты летать не умеешь?

– Нет.

– Нам завтра в вылет! Если поймут, что ты не Старший... а ты же не Старший... нас накажут.

– Обманщиков убивают мечом, – вспомнил я его слова. – Лэн, ты здесь ни при чем. Я тебя обманул.

– Да я сам себя обманул! Я слишком уж хотел, чтобы ты Старшим оказался... – Лэн плюхнулся на мою кровать и начал грызть ноготь.

– Вынь палец изо рта! – даже не глядя в его сторону, велел Котенок. – И между прочим, раз вы стали партнерами, то ваши ошибки роли не играют. Ты, Лэн, Младший. Данька – Старший. Тебе напомнить правила поведения партнеров в жизни и смерти?

– Да знаю я, – хмуро сказал Лэн, по-прежнему грызя ноготь.

Я понимал, что Котенок беспокоится за меня. И обрывки сна, где Лэн стоял напротив меня с мечом, не шли из головы. Но когда я посмотрел на Лэна – тощего, бледного до синевы, взлохмаченного, не знающего, куда деть руки, а куда – глаза, меня пронзила жалость.

Странно, окажись у нас в классе такой мальчишка, его бы начали терроризировать все кому не лень. Драться-то он явно не умеет. И я бы, наверное, от других не отставал. Но одно дело – отобрать жевательную резинку, отвесить подзатыльник или засунуть головой в сугроб. А совсем другое – когда речь идет о жизни и смерти. Я не мог по-настоящему представить себе это. Не верил. Но шутить с такими вещами не хотел.

Лэн меня спас. Он поручился за меня. И какая разница, о чем при этом думал? Мысли – одно, дела – другое.

– Лэн, я могу уйти, – сказал я. – Ты объяснишь Старшим,

что разоблачил меня и я убежал. Тебя не накажут, верно?

Лэн вскочил с кровати и подошел ко мне. Крепко сжал ладонь. Пальцы у него сильные, ничего не скажешь. Я понял, что он будет меня благодарить за предложенный выход, и на душе стало тоскливо.

– Старший, я тебя не предаю, – твердо сказал Лэн. – Клянись! Я хочу быть твоим партнером. Мы что-нибудь придумаем.

Я тоже сжал его ладонь, и мы молча стояли, глядя друг другу в глаза. Пока Котенок мурлыкающим голосом не сказал:

– Ребятишки, вы не безнадежны. Я рад. Придумывать, конечно, придется мне, ну да ладно.

– Слушай, волшебник недоделанный! – завопил я. – Мы сейчас тебе вместе уши надерем! Кончай издеваться!

– Извиняюсь, – притворно испугался Котенок. – Очень уж трогательно вы подружились. Может, еще поцелуетесь?

Я запустил в Солнечного котенка подушкой и промазал. Зато Лэн, схватив другую, направил ее метко. Котенок с обиженным видом выполз из-под нее и принялся вылизывать лапы. Мы засмеялись – не из-за того, что очень уж смешно получилось, а потому, что все напряжение куда-то исчезло.

– Ладно, мир, – сообщил Котенок, кончая умываться. – Лэн, как долго учиться владеть Крыльями?

– Год, – с готовностью сообщил Лэн.

– Сформулируем вопрос иначе. За какое время ты на-

учишь своего Старшего-неумеху держаться в воздухе и не производить впечатления перелетной курицы?

– За утро, – улыбнувшись, сказал Лэн. – Летать не так уж и сложно. Летать и сражаться – совсем другое.

– Вот и отлично. Завтра и научишь. Потом отправитесь на свой вылет и будете старательно увиливать от Летящих. Ты ведь это умеешь, если честно?

Лэн виновато опустил голову, и я шлепнул его по спине:

– Не обращай на Котенка внимания. Он язва, каких мало.

– Идите-ка спать лучше, – недовольно посмотрев на меня, сказал Котенок. – Завтра вам потребуются и силы, и остроумие.

– А ты?

– А я спущусь вниз, поразмышляю, книги полистаю, – важно сказал Котенок. – Должен же кто-то за вас думать?

– Спокойной ночи, Лэн, – сказал я. И они с Солнечным котенком вышли, а я, подобрав подушки, вновь нырнул в постель. Настроение у меня почему-то было отличным. А когда минут через десять в комнату пробрался Котенок, тихонько лег на свободную подушку и стал вылизывать измазанные в сливках лапы, я твердо решил, что теперь все будет хорошо.

– Спокойной ночи, – шепнул я.

– Это тебе спокойной ночи. А Солнечным котяткам желают ясного рассвета.

5. Трус

Только когда я впервые надел комбинезон Лэна, я понял, что же такое Крылья.

Плотная ткань обтянула меня, как резиновая перчатка руки. Потом я почувствовал боль в плечах и невольно вскрикнул. Словно на каждое плечо уселся Котенок и, растопырив лапки, выпустил когти.

– Не пугайся, – быстро сказал Лэн. – Крылу нужны силы.

– Мои, что ли?

– А чьи же? Как ты собираешься летать? Махать руками, как птичка?

С минуту я извивался и дергался, потом, под укоризненным взглядом Лэна, притих. К тому же и боль стала слабее.

– Так все время будет?

– Привыкнешь, – утешил Лэн. – Через месяц уже и внимания не обратишь. Так, взмахни руками...

Я взмахнул. Ткань, свисающая с рукавов, вяло хлопнула, но расправляться не собиралась.

– Представь себе Крыло, – упорно повторял Лэн, наблюдая за моими неуклюжими попытками взлететь. Мы стояли в комнате на первом этаже, а Котенок, улегшись на перилах лестницы, наблюдал за нами. – Представь Крыло. Представь полет. Ты сможешь.

– Я не смогу, Лэн.

– Ерунда, все могут. Ты не тяжелый, Крыло поднимет тебя.

Через час, убедившись, что толку нет, Лэн заставил меня забраться на шкаф и прыгнуть с двухметровой высоты. Вот это подействовало.

Мне показалось, что руки у меня вдруг выросли в несколько раз, стали широкими и ударили... нет, не о воздух даже, а о воду. Падение вдруг замедлилось, пол вновь отодвинулся вниз, потом я снова опустился и опять подскочил к потолку. По комнате гулял ветер, раскачивая картины на стене и опрокидывая всякую мелочь.

– Нормально, – сказал Лэн, который стоял подо мной, задрав голову. – Крыло умнее тебя.

– Я же лечу! – заорал я, сообразив, что падение откладывается.

– Не летишь, а порхаешь по комнате, – подал голос Котенок.

– Крыло умеет летать, тебе надо лишь руководить им. Понимаешь? Ему нужен твой ум и чуть-чуть сил. Спускайся, Старший.

Я попытался сложить Крыло и мягко упал на пол. Плечи ныли сильнее, но я был в восторге.

– Лэн, а как делать из Крыла палатку?

– Убежище, – поправил Лэн. – Так, закрой глаза, разведи руки, растопырь пальцы. Представь, что комбинезон раздувается.

Это у меня вышло сразу. Открыв глаза, я убедился, что стою в маленькой куполообразной палатке, светящейся ровным светом. Плечи были покрыты мелкой красной сыпью, но боль сразу же прошла.

– Можно?

Лэн заглянул в отверстие, а между ногами у него протиснулся Котенок.

– Конечно.

– Положено спрашивать, – объяснил Лэн. – Убежище – это куда важнее, чем дом. Сюда просто так не войдешь.

Мы сели и уставились друг на друга. Мы с Лэном улыбались, Котенок был задумчив.

– У нас будет время зайти к тому старику до вашего вылета? – поинтересовался он.

– К тому, что помнит солнце? Вряд ли. Сейчас надо плотно поесть, потом еще потренироваться, потом еще поесть.

– Слушай, а чего я такой голодный? – сообразив, что слова Лэна не звучат для меня нелепо, спросил я. – Словно день не ел.

– Ты дал силы Крылу. Причем не только для этого порхания, а еще и про запас. Нам приходится много есть, Данька.

– По тебе этого не скажешь.

– Все уходит на ветер, Старший. Эх, потренироваться бы сейчас на воздухе! Но нельзя. Ладно, взлетай с места.

И мы тренировались, время от времени устраивая перемены на еду. Я ел бутерброды, яичницу, конфеты, пил моло-

ко и чай. Куда все девалось, не знаю, после часа тренировок голод вновь подступал с прежней силой.

– А сколько длится вылет? – спросил я у Лэна, болтаясь в воздухе. Я немножко научился управлять полетом, здесь было главным доверять Крылу, а оно уж делало все остальное.

– Часов пять-шесть.

– Я столько не выдержу, – испугался я.

– Мы берем с собой еду. К тому же ты сейчас все время тратишь силы, а в нормальном полете мы будем планировать и отдыхать. Давай тренируйся.

Мы отправились в вылет с башни нашего дома. Я-то боялся, что при этом будут присутствовать какие-нибудь Старшие, но этого не требовалось. Правда, за небом над городом все время наблюдали, и наш взлет не мог остаться незамеченным. Но мы надеялись, что издалека мой полет не покажется подозрительно неумелым.

А вот прыгнуть с десятиметровой башни было трудно. Я вновь и вновь подходил к краю площадки, там, где ограждающие перила были убраны. Камень под ногами, отполированный за много лет, казался предательски скользким. По улицам шли редкие прохожие, но на нас никто внимания не обращал. Лишь двое малышей, мальчик и девочка, которых вела за руки пожилая женщина, упорно выворачивали головки, следя за башней и ожидая моего взлета. Боюсь, я их разочаровал.

– Пора, Старший, – тревожно сказал Лэн. – Пора. Мы уже должны быть в воздухе.

Я подошел к самому краю, остановился, балансируя.

– Соберись! – шепнул Лэн.

Раскинув руки, я закрыл глаза. И Крыло решило все за меня. Ударило по воздуху, твердому, как бетон, и башня ушла из-под ног. Не открывая глаз, я слышал, как бьют подо мной крылья Лэна, как звенит в ушах набегающий ветер.

– У нас есть Крылья! – крикнул Лэн, и я едва узнал его голос – такой он был счастливый. – Надо только не мешать им – и ты полетишь! У нас есть Крылья!

Я открыл глаза. Город был далеко внизу, люди на улицах уже стали неразличимы. Мы поднялись к самым облакам – редким, пушистым, над которыми стлалась темная пелена.

– Лэн! – крикнул я. Мой Младший носился вокруг, словно бы и не прикладывая никаких усилий для полета. Услышав меня, он сложил Крыло и поравнялся со мной.

– Лэн, можно подняться выше облаков?

Он понял.

– Нет, Данька, эта темная мгла убивает. Только Летящие могут выдерживать ее.

– А если подняться? Там есть солнце?

– Не знаю. Нам надо лететь, Старший. За мной!

И мы полетели прочь от города – туда, где нам положено было патрулировать. Лэн то залетал вперед, то возвращался ко мне, сбивчиво подсказывая какие-то секреты. Но я не

слушал его, я наслаждался полетом.

Может, летать вообще без всего, как Питер Пэн, еще интереснее. Но такое бывает лишь в сказке. Мне сейчас и с Крылом хватало удовольствия. Тем более я совсем не боялся высоты, мне казалось, что я летал всегда.

Задача у нас была несложной: летать над холмами к северу от города, наблюдать, не покажутся ли Летящие, а если наткнемся на одиночного врага – атаковать его. То ли нам везло, то ли Лэн так удачно выбрал маршрут, но ни одного Летящего мы не заметили. Даже жаль, я бы хотел посмотреть на них сквозь очки и разобраться, на кого они все же похожи.

Временами мы зависали в воздухе – опускаться во время вылета не полагалось – и ели. Потом летели рядышком, и я расспрашивал Лэна обо всем подряд.

– Младший, а что вы делаете в своем Клубе?

– Ну, уж вино точно не пьем, – съязвил Лэн. – И не деремся... обычно. Всякое делаем. В Летящих играем...

– Это как?

– Очень просто. Садимся за стол, десять человек или около того, раздаем друг другу карты. Среди них две черные – это Летящие. Кому черные карты попались, никто не знает. Потом все закрывают глаза – это означает ночь, а Летящие открывают, узнают друг друга и взглядами намечают жертву. Потом все открывают глаза и начинают решать – кто же из нас Летящие, кого надо убить.

– Убить?

– Понарошку, конечно. Все сидят и решают, кто из нас самый подозрительный, кто тайный Летящий. Потом голосуют и кого-нибудь убивают. Понарошку. После этого наступает ночь, все закрывают глаза, а тот, кого убили, становится ведущим. Он по очереди называет все имена, а Летящие примени своей жертвы поднимают вверх палец. Если оба указали на одного и того же – значит он убит. Потом все открывают глаза, и ведущий говорит, что ночью Летящими убит такой-то Крылатый. Или что Летящие плохо выбрали жертву, напали на разных людей, и те отбились. Снова решаем, кто же из нас Летящий, голосуем, еще кого-нибудь убиваем...

Лэн покосился на меня и на всякий случай добавил:

– Тоже не по правде, конечно. Опять наступает ночь, и Летящие или Летящий, если одного уже убили, на кого-нибудь указывают. Очень интересно, все так спорят, пытаются понять, кто себя подозрительно ведет, почему ночью Летящие убили именно того, а не другого... Играем до тех пор, пока не перебьем всех Летящих или они не перебьют всех Крылатых. Интереснее, само собой, быть Летящим. Я вчера два раза был, так ловко притворялся хорошим...

Я подумал, что игра действительно забавная, и я, если вернусь домой, научу ребят в нее играть. Только вместо Летящих будем выбирать каких-нибудь мафиози, а вместо Крылатых – честных граждан.

Когда время нашего вылета кончилось, мы были километрах в сорока от города. Это полчаса полета, не больше. Тем

более что возвращаться мы решили по прямой, через невысокие горы, над которыми должны были патрулировать другие Крылатые. Это разрешалось.

– Сейчас прилетим, пойдем к кому-нибудь из взрослых в гости, – говорил Лэн. Он летел впереди, и мне было прекрасно его слышно. – Пусть нас покормят как следует. Мы имеем полное право после вылета по гостям ходить. А потом...

Он вдруг резко затормозил, забив крыльями в воздухе. Я едва не налетел на него.

– Смотри! – крикнул Лэн.

Над горами, в паре километров от нас, шла схватка. Двое боролись с третьим – судя по размерам, Летящим. И еще один, даже сквозь очки похожий на пятно тьмы, улепетывал в нашу сторону, молотя крыльями воздух.

– Этот патруль перехватил Летящих, – возбужденно заговорил Лэн. – Гляди, того добили!

Летящий, на которого напали двое Крылатых, падал на горы. Одно крыло у него беспомощно хлопало, другое, видимо, поврежденное, обвисло.

– Разобьется, – уверенно сказал Лэн. – Улетаем?

– А этот? – Я протянул руку, указывая на удирающего Летящего, потерял равновесие и чуть было не закувыркался сам. Выправился и добавил: – Мы же можем его перехватить, Лэн?

Младший посмотрел на меня:

– Ты серьезно, Данька? Ты хочешь драться?

И я не выдержал. Я слишком хорошо помнил, как улепетывал по горам от пары Летящих, мне захотелось рассчитаться с ними.

– Брось трусить! – заорал я на Лэна и метнулся вперед, навстречу Летящему. Лэн полетел следом.

Мы сближались, беря беглеца в кольцо, – я с Лэном и другая пара. Летящий увидел нас и попробовал подняться выше, но Лэн легко опередил его и завис над темной фигурой. В руках он сжимал нож, и Летящий не рискнул атаковать моего Младшего снизу. Лэн уже говорил мне, что позиция над врагом – самая удобная в бою.

Выхватив из ножен меч, я приблизился к Летящему. Крылья сами тащили меня в бой, и у меня вдруг появилась четкая уверенность – я все сделаю как надо. Подлечу к существу из мрака – и убью. Да, убью, потому что они убивают людей, потому что они принесли в этот мир тьму, потому что я теперь – Старший в паре. Интересно лишь, на кого же похож Летящий – на птицу, на ящера или все же на человека, но с уродливым, злым лицом.

Какой же глупый я тогда был...

Поднырнув под Летящего, я свечой взмыл вверх и оказался с ним лицом к лицу. Думаю, Лэн в этот миг был мной доволен – его Старший выполнил атаку красиво.

Выполнил – и замер, потому что укутанный в комбинезон из тьмы, раскрыв огромные черные крылья, передо мной висел самый обычный человек. Молодой парень, чем-то похо-

жий на Шоки, только лицо его не закрывала прозрачная пластина, как у Крылатых, оно было открыто. И глаза смотрели на меня – он видел. Видел сквозь вечную ночь.

– Не убивай, – прохрипел он. – Не убивай...

Я застыл в воздухе, лишь Крыло поддерживало меня, а меч был направлен на Летящего. У него меча не было, наверное, потерял в схватке.

– Отпусти, – тихо, я едва услышал его в свисте ветра, прошептал Летящий. Под нами было с километр высоты, потом – скалы, и я вяло подумал, что стоит мне лишь ударить по черному крылу, и...

– Отпусти, – повторил Летящий. Те двое, что убили его напарника, приближались. Лэн сверху закричал:

– Бей! Бей, Данька!

– Лети, – прошептал я, опуская меч. И увидел удивление на лице Летящего. Обычном человеческом лице, лишь слегка искаженном какой-то внутренней болью.

– Лети со мной, – прошептал он. – Лети, ты наш!

– Нет! – заорал я. – Уходи!

– Ты еще придешь, – произнес Летящий и унесся вниз.

Он набрал скорость в пикировании, потом раскинул черные полотнища крыльев и заскользил над горами. Его уже было не догнать.

– Что ты наделал! – закричал Лэн, спускаясь ко мне. – Что ты наделал, Старший!

– Он же человек!

– Он из Тьмы! Он ее прислужник!

– Он такой же, как мы! Он человек!

– Ты нас обоих погубил, – не слушая, прошептал Лэн. –

Данька...

По лицу его текли слезы, и я как-то разом пришел в себя. Действительно, разве прислужники зла не могут быть людьми – внешне? Могут.

– Я видел! – закричал Крылатый из другой пары, подлетая к нам. – Ты отпустил его, ты предал!

Это был мальчишка, наш с Лэном ровесник. Его Старший, более тяжелый и неповоротливый, отстал.

– Я все объясню! – крикнул я. Но меня не слушали. Подлетел и Старший, тот самый парень, с которым я вчера дрался. И меня это ничуть не удивило. Если уж не везет – так во всем сразу.

– Попробуешь скрыться? – с надеждой спросил он. В руках у него был арбалет.

– И не подумаю, – храбрясь изо всех сил, ответил я. – Я все объясню.

– Попробуй... Чеки, лети в город. Пусть все соберутся на площади, у виселицы.

Его Младший, явно уверенный в превосходстве своего Старшего над нами с Лэном, полетел в город.

– Теперь вы! – скомандовал мой враг. – Оба. Ты, Лэн, будешь оправдываться отдельно.

Мы полетели к городу. Лэн приблизился ко мне и шепнул:

– Попробую выбить у него арбалет. Я быстрый, я успею. И улетим.

– Куда? – ответил я. – Не бойся, выкрутимся.

– Точно? – со слабой надеждой спросил Лэн.

– Не бойся, Младший!

Я собирался рассказать им правду. О том, как пришел из нашего мира, как встретился с Лэном, как напал на Летящего, но растерялся, увидев, что он человек, как и мы.

И лишь когда мы стали снижаться над городом, я понял: это все рассказывать нельзя. Никак нельзя. Потому что меня-то, может быть, тогда и простят. А вот Лэну, который скрыл мою тайну, конец.

В этот миг мне захотелось улететь. Но вокруг нас уже летал десяток Крылатых, и убежать, да еще с моим опытом полетов, было безумием. Мы приземлились в центре площади, заполненной народом, на маленький свободный пяточок. Следом, прямо в толпу, небрежно попадали Крылатые.

– Я сразу почувствовал в нем гниль! – громко крикнул наш конвоир. – И был прав! Сегодня этот... Старший... отпустил Летящего! Что нам ждать от него завтра?

Люди вокруг молчали. Здесь были и Старшие, и Младшие, и девушки, и взрослые. Правда, последних было немного. Но все они смотрели на меня так...

Мне стало страшно. Разве можно оправдаться перед людьми, которые тебя ненавидят и заранее все решили?

– Что нам ждать от него завтра? – повторил парень. – Да

ничего! Потому что мы расплатимся с ним сегодня!

И он громко захохотал собственной шутке. Сквозь толпу ко мне протолкался Шоки. Перед ним расступались – видимо, Шоки в городе уважали.

– Зачем ты это сделал, Данька? – резко спросил он.

Я молчал. Да и что мне было говорить?

– Надо решить лишь одно, – тараторил тем временем униженный мной вчера Старший. – Трус он или предатель. Мне кажется, что предатель.

– Уймись, – бросил ему Шоки. – Данька! Как все было?

Я посмотрел ему в глаза – и понял: Шоки дает мне шанс.

Пытается дать.

– Глаза, – неожиданно сказал я. – Глаза! У меня бывает такое с глазами, я начинаю плохо видеть. Я подлетел к Летящему и потерял ориентацию! А потом тот уже был далеко.

Наверное, я вспомнил, как мы фантазировали в школе перед контрольными. Голова болит, в животе колики, палец на руке вывернул... В школе такое помогало.

– Чушь! – заорал Старший, наставляя на меня арбалет. Но Шоки взмахом руки снова осадил его. Повернулся к Лэну и спросил:

– Ты знал об этом?

Лэн помотал головой и, вот молодец, торопливо сказал:

– Нет, не знал, но у Даньки что-то было с глазами, он временами останавливался, тер их...

– Не верьте его Младшему, он и сам трус!

– Заткнись, Ивон, – твердо сказал Шоки. – Всякое бывает. Слово Даньки и его Младшего против твоего и твоего Младшего. Ничья.

Как ни странно, Ивон не казался особо огорченным. Он улыбнулся и сказал, словно процитировал с книжки:

– Крылатый должен быть готов к полету и бою. А если подвела его рука – отсекайте руку, если не услышал он сигнала – отрежьте уши... Ты помнишь правила вылета, Шоки?

Тот кивнул. Я еще ничего не понял, но решил, что дожидаться развязки не буду. Взлечу – и будь что будет. Постараюсь удрать...

Меня схватили за руки, кто-то, упав на землю, вцепился в ноги. Я даже и сопротивляться не пробовал. В полминуты с меня сорвали Крыло, и я остался перед толпой в одних плавках, как и пришел совсем недавно в город. Почему-то стало гораздо страшнее, словно одежда могла от чего-то защитить. Хорошо хоть, чьи-то грубые пальцы надели на меня очки.

– Ты все понял? – спросил Шоки. – Это закон, Данька.

Я ничего не понимал, но все-таки кивнул. Спросил:

– Что будет с Лэном?

– Если ты не выйдешь с ним на следующий вылет, ему придется искать другого Старшего, – с сочувствием сказал Шоки.

Если не выйду? Значит, надежда все-таки есть?

– Шоки, Лэн не трус. Помоги ему если что, – попросил я.

Шоки кивнул и, повернувшись к толпе, заорал:

– Что вы все собрались? Это дело Крылатых! И прогоните Младших, им нечего здесь делать!

Женщины и мальчишки помладше стали быстро выбираться из толпы. Лишь один из мужчин спокойно возразил Шоки:

– Мы тоже были Крылатыми. И вправе остаться. К тому же кому-то придется быть с этим мальчиком... потом. Присмотреть за ним.

– Хорошо, – хмуро согласился Шоки. – Ивон, ты доволен?

– Вполне! – нагло ответил тот.

– Ты так ненавидишь Даньку?

– Я ненавижу Летящих. А он отпустил одного из них!

Шоки подошел ко мне и достал кинжал. Я задергался, но меня держали крепко, не вырвешься. Что же он собирается делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.